

Хочу остаться
неизвестным!
Вам интересуются
Мой
Соседом
как честный
труженник
сигнализировать

Па. слухам
т. Иванов
женится 20 раз
Граверьте!
А его
бабушка
была фрейлина
Березкин подозре
тельно с ними флирта
тсе.
К чему вам
?

Ваша жена
в ам. изм.

А где
в Сибирии

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

К Р О К О Д И Л

КУКРЫНИКСЫ-59

Перекажи-нале

ДИРЕКТОР овощного совхоза Иван Фомич Перепелкин свое дело знает. У кого всегда самые ранние овощи? У кого самые крупные помидоры? У Ивана Фомича. Кто снабжает рассадой чуть не всю область? Кто выводит новые сорта овощей? Он же, Иван Фомич!

Место под усадьбой совхоза чудесное, возле самого областного центра, где начинается целина. Впрочем, целиной ее называют теперь только по традиции: она уже дала несколько урожаев. Земля здесь плодородная, и рождаются на ней сочные, вкусные овощи, арбузы, дыни и прочая зелень. Все это очень по вкусу и жителям города и рабочим ближних зерносовхозов.

Иван Фомич — человек передовой, внимательно следит за всякой огородной литературой да и газеты читает каждый день. Вот с этого и началось. Прочитал однажды Перепелкин газету и говорит агроному Феде Ступачкову:

— Я горжусь, а также восторгаюсь.

— Чем, Иван Фомич?

— Горжусь, а также восторгаюсь тем, что у нас такие люди есть, — почти стихами сказал Иван Фомич. — Молодец и умница!

— Кто умница и кто молодец?

— Эх, отстаешь ты от жизни, Федор! Газеты надо читать. Летчик Мамахин — вот кто умница, он же молодец. Хотя какой он молодец! Он орел, вот кто! Почитай-ка газету. В ней описано, какое он сделал открытие. Летел однажды над нашей степью в Алма-Ату по делам. И вдруг у него в воздухе компас задурил. Вертится, будто балерина, и никак не желает показывать точные координаты. Другой бы на месте Миши Мамахина стал выражаться всякими словами: вот, мол, какую дрянную продукцию выпускают наши заводы. А он нет, понял, что тут где-то собака зарыта. И доложил куда следует. На то место отправили геологическую экспедицию, которая скоро приступит к работе.

Агроном Федя задумчиво посмотрел на своего начальника.

— Интересное кино! — сказал он. — С нас букет цветов Мамахиному и грузовик арбузов. Заслужил.

Через пару недель после этого разговора Ивана Фомича вызвали в областное управление сельского хозяйства. Начальник Алексей Петрович Гурьев хлопнул его по плечу и радостно сказал:

— Вот какие пироги, Иван Фомич! В нашей степи нашли богатейшее месторождение железной руды. Пахнет миллиардами тонн.

— Я так и предчувствовал, — степенно ответил Перепелкин. — Читал газету и радовался. Вот, думаю, теперь вырвется вперед наша область... Надо полагать, наградят летчика Мишу Мамахина.

— Вот именно, — согласился Гурьев. — А тебе, друг, придется в связи с этим потесниться. Мы под совхоз отвели другое место. Чуть подальше.

Перепелкин широко разинул рот.

— Это же в силу каких высоких принципов я должен потесниться? Что-то не понимаю.

— А принципы такие, что пласт руды целиком под твою территорию уходит. Тут и начнутся вскрышные работы.

— Ни за что! — завизжал тонким голосом Иван Фомич. — Я не виноват, что пласт куда-то там уходит. Вольно ему бродить! Вы мне все хозяйство порушите. Не пойду, хоть повесте!

Вешать Ивана Фомича не собирались, но

посулили обсудить его местнические настроения на бюро обкома. После этого Фомич сразу потерял интерес к разговору и, прекратив препирательства, вышел из кабинета, ругательски ругая всех на свете.

— Бюрократы! — кричал он, шагая в одиночестве по шоссе. — Помидоры свежие лопать все мастера, а как беда пришла, так и защитит некому! Чиновники! А самый главный змей — Мамахин. Это он под меня подкопался и больше никто. И чего надо? Летает и летает, а в землю нечего соваться. Я ведь к нему на небо не лезу. Компас, видите, у него вертится! В хороших руках вещь не станет вертеться. А вот почему я по милости его компаса должен с места срываться, понять не могу.

— Интересное кино! — сказал Федя Ступачков, услышав щедро приправленную «чертями» информацию. — Видимо, цветы Мамахиному посылать не будем. Вместо этого начнем готовить инвентарь и кадры переселенцев.

— Цветы! — горько усмехнулся Иван Фомич. — Ладно. Возил я раньше машинами в аэропорт арбузы. А теперь пускай авиаторы руду кушают, раз они такие умные!

После этой переоценки ценностей Иван Фомич начал собираться. Правда, дело было осенью, и урожай уже успели снять. Земля на новом месте была не хуже, хоть на хлеб мажь вместо масла, да и рыбное озеро под боком. Но Фомич долго не мог забыть обиды.

Вскоре на месте, где была обнаружена руда, вырос городок. Руду отправляли на Урал целыми эшелонами, а Иван Фомич сдавал свою продукцию новым потребителям — шахтерам. Как-то, когда он снова наведалься в областное сельхозуправление, начальник сказал ему, виновато пряча глаза:

— А тебя, Фомич, просили зайти в обком. В отдел промышленности.

— Зачем?! — изумился Фомич. — Мне туда не с руки. Наверное, в сельскохозяйственный? Нет? Ну, ладно, раз зовут, пойду.

— Дорогой товарищ Перепелкин! — ласково сказали ему в отделе промышленности. — Придется вас немножко потревожить.

— А в чем дело? Может, кто пожаловался? Так я всегда задания выполняю. Помидоры на завод доставил вовремя, бахчевые даже сверх плана, луку хоть завались. Морквы этой и прочей петрушки...

— Не в петрушке дело. Там, где ваш совхоз расположен, нашли, знаете, месторождение...

— Эва! — ехидно сказал Фомич. — Так это было при царе Горохе, когда и людей было трохи. Я уж давно перебазировался.

— Знаю, дорогой. Но и на новом месте обнаружены залежи асбеста. Так что собирайте свои тыквы и бобовые да перебирайтесь. Отвели вам чудное местечко, не хуже Сочи. Тень, знаете, прохлада...

Фомич поглядел на своего собеседника странными глазами и сказал, заикаясь:

— Не ж-желую ника-ка-ких Сочей! Мне и ту-ту-тут хорошо. Сами езжайте... Не иначе опять под меня Мамахин подкопался. Его компаса дело.

— Не Мамахин, а геологопоисковая партия. Но это неважно. Нашли — значит, слава богу. Будем разрабатывать.

— Ничего не слава богу! — упирался Иван Фомич. — Никуда не двинусь. Я директор совхоза, а не какая-нибудь кочевая народность. Геологи, может, будут весь век ковыряться и что-то там такое находить, а я так

и буду по степи таскаться, как цыган?

Бушевал Иван Фомич и на дворе и по дороге до самого совхоза.

— Ничего не попишешь, — утешил его агроном Федя, — надо собираться. Давай-ка, Фомич, организуем ансамбль цыганской песни и пляски. Купим тебе бархатные штаны, и будешь петь под гитару: «По всей степи гуляет наш табор кочевой. Никто любви не знает цыганки молодой».

Иван Фомич только крикнул от злости. — Возьму с них подписку, что на новом месте никаких залежей нет и не предвидится, — объявил он. — А нет, так уеду туда, где недра победнее или их нет совсем. Из-за этих недр я прямо ненормальный стал. Так и смотрю в землю: может, еще какая залежь появится. Тогда снова снимайся и тащись в неведомую даль, точно турист какой неприкаянный.

Переехать все же пришлось без подписки. Но на сей раз Перепелкину повезло: никто его больше не тревожил. Спокойно зрели знаменитые пупырчатые огурцы, наливались кровавым соком помидоры, зеленым шелком отливала капуста, и, как породистые свиньи, лежали на бахче розовато-желтые огромные тыквы.

В один из весенних дней наш герой без всякого вызова явился в областное сельхозуправление. Открыв дверь, он вошел в кабинет уже известного нам Алексея Петровича Гурьева. Лицо Фомича было хмуро, глядел он удрученно.

— Что, добрый молодец, невесел, что голубушку повесил? — бодро воскликнул хозяин кабинета. — Может, неурожай на пастернак? Или редьку червь поточил?

Но «добрый молодец», усаживаясь в кресло, произнес всего лишь одно слово:

— Лодыри.

— Кто лодыри? — изумился Гурьев.

— А вот... эти... геологи самые. Кто же еще! — хмуро пробурчал Перепелкин.

— За что ты их так громишь?

— Есть за что. Драть их некому. Добро под ногами валяется, а они... И совнархоз тоже, — неожиданно вскипел он, — неизвестно куда смотрит, а что у него под боком, не видит. Вот!

И он шваркнул на стол большой кусок камня с белыми блестящими прожилками.

— Слюда! — растерянно сказал Гурьев.

— Сам знаю, что слюда. Ее там видимо-невидимо.

— Где «там», голубчик Фомич? — прорыдал начальник управления.

— Да у меня на усадьбе. Где же еще! Рыл я артезианский колодец. Как всегда, поглядываю себе под ноги. Думаю, может, еще какая драгоценность вывернется и придется мне из-за нее снова кочевать. Нагадал на свою голову. Вот она, голубушка, как слоеный пирожок! Годится, небось? Ну, то-то! Отдайте ее в совнархоз, пусть займутся. А вы, будьте так любезны, отведите мне теперь новое место, поинтересней. И обязательно чтобы с недрами.

И смущенно добавил:

— Я, видишь ли, теперь тоже во вкус вошел. В нашей степи все уже нашли, кроме золота. Вот я и думаю поисками золота заняться. Найду, никуда оно не денется. К туризму я уж попривык, так что переезд организую без вашей помощи. Вот и все. Будьте здоровы, я пошел.

И Фомич гордо удалился, оставив руководителя управления в полном смятении чувств.

У МОИХ ПОДШЕФНЫХ

НЕУЮТНОЕ НОВОСЕЛЬЕ

ДОРОГОЙ шеф! Ты интересовался, как снабжаются жители города Рудного одеждой, мебелью и прочими нужными в хозяйстве товарами. Выполняя твое поручение, мы прошлись по складам, базам и магазинам и результаты этой малорадостной прогулки решили изложить в популярной и доходчивой форме.

Допустим, что ты, дорогой шеф, приехал к нам в Рудный и решил здесь надолго обосноваться. И, получив квартиру, ты, естественно, захотел ее обставить.

Как же будет выглядеть твое жилище, если ты воспользуешься услугами торговой сети города Рудного, возглавляемой Н. Н. Цурканом?

Прежде всего, в качестве мебели тебе будут служить только диваны и никелированные кровати. Один диван можешь использовать вместо буфета, другой — вместо обеденного стола. Одна кровать будет служить этажеркой для книг, на другую тебе придется сваливать свою одежку. Ибо в Рудный не доставляется никакая другая мебель, кроме диванов (очень дорогих и очень некрасивых) и кроватей. В неисчислимом количестве они зимой и летом стоят под открытым небом на базах, мокнут, сохнут и опять мокнут, от чего красивее не делаются.

Конечно, твое изящно обставленное жилище украсил бы ковер. Но готовые ковры до Рудного никогда не доходят. Значит, придется тебе на досуге ткать ковер самому, кстати, и подручного материала предостаточно: резинкой, вздержкой и канатом с руку толщиной завалены все наши магазины.

Итак, с мебелировкой покончено. Но теперь нужна всякая домашняя утварь. Ты можешь с успехом взамен стиральной машины приобрести велосипед, а вместо швейной машинки — электропроигрыватель. За холодильник сойдет керосиновая лампа. Надо же как-то использовать эту «технику», благо ею загромождены все складские и торговые помещения!

Если ты захватишь с собой своих крокодилят, то тебе придется поискать для них одежду и обувь. Можем сказать заранее: поиски будут безуспешными. Если уж

очень повезет, достанешь пару пеленок.

Тебе понадобились кожаные башмаки? Их нет и в помине. Зато найдется чудный заменитель: шикарные и очень дорогие кожаные папки для бумаг. Их у нас столько, что хватит на всех работников всех министерств, взятых чохом.

Если не хочешь сам тачать сапоги из дорогой кожи, бери валенки. Сейчас лето, и поэтому они есть в продаже. Зимой их опять не будет. Заодно можешь приобрести и теплые рукавицы.

А обрядившись таким образом, иди к Н. Н. Цуркану, П. Н. Слащеву, ведающим в Рудном торговлей и планированием, и принеси им свою благодарность за заботу и внимание.

Предупреждаем, они могут тебе сказать, что, мол, не красна изба углами, а красна пирогами. Дескать, продовольствием-то мы снабжаем отлично. Но ты им не верь. Напомни им, как в прошлом году было испорчено и списано 80 тонн яблок, вагон сельди, вагон томата и четыре тонны жиров.

А заодно спроси, на какую сумму загублено товаров во время весеннего половодья, когда базы и дворы магазинов представляли собой моря, по которым плавали бочки с овощами и рыбой и прочие продукты в таре и без тары.

Так что, уважаемый шеф, если надумаешь к нам переселиться, не забудь захватить с собой вагона два мебели. Иначе новоселье у тебя будет неуютное.

Члены крокодильского поста:
И. ЧЕРНЫХ, Г. ДУБОВИЦКИЙ и Г. КИРПИЧЕВСКИЙ

г. Рудный, Кустанайской области.

РЕПЛИКА КРОКОДИЛА. Получив это заманчивое приглашение, я взялся за телефонную трубку и позвонил в Кустанай. Выяснилось, что за такое, мягко выражаясь, неважное снабжение благодарить нужно не только тт. Цуркана и Слащева, но и Кустанайское областное управление торговли, возглавляемое тов. Кобой, а также работников Министерства торговли Казахской ССР. Да! Трудновато им, бедным, приходится. Город Рудный растет с каждым днем. Попробуй угонись тут!.. А угнаться надо.

Как отмечалось на Пленуме ЦК КПСС, производство тканей как по количеству, так и по качеству еще отстает от растущих потребностей.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

— Вам до меня еще расти и расти!..

А. РАСКИН

Так будьте ж здоровы!

На содержание персонального вагона для начальника комбината «Вельсклес» Д. Ф. Горбова с санкции заведующего Архангельским облфо С. В. Волоцкого ежегодно тратятся десятки тысяч рублей.

Не знаем, какого
Размера и веса
Товарищ Д. Горбов —
Начальник «Вельсклеса».
Умен ли? Силен ли?
Блондин ли? Брюнет ли?
В семье его графов
И герцогов нет ли?
Допустим, нет графа
И герцога нету.
Откуда ж привычка
Транжирить монету!

В каком говорится
Советском законе,
Что Горбову ездить
В отдельном вагоне!
А если плацкарту
Возьмет он, как люди!
Никто ведь не спросит,
Никто не осудит.
Зачем же такая
Д. Горбову «база»,
Тем более, ездит
Он за год три раза!

Не думает, видно,
Облфо, не гадает,
Товарищ Волоцкий
Расход утверждает.
Так будьте ж здоровы!
Живите богато!
В отдельных составах
Езжайте до хаты!
Еще пожелать вам
Немного осталось:
Чтоб сумма проезда
У вас вычиталась.

BEATY REDS

MOSCO HOPE

Indicatio Soviet Parley

By HARR specu MOSCO were indu night the expected some kin foreign r Geneva summit summer.

It was cess in the might be Union to lines of a he a strig of the So Sinc. Brit Premier has insist Soviet st intend threat, ul against t

Negati He has that the means t tude tow thus far gested th the diffi ministers' expected an listic defi ternational difficult be decid of govern

The si neva disc sense of cr Soviet cap more clear by than at the foreig a note of sopabness within Khrushch Pro R. a Premier. York for Soviet ca

КРОКОДИЛ

SOVIET CARTOON: This work by Boris Leo shows the capitalist at lower left saying "Hey, your appearance is spoiling all the advertising." The sign on the back of the loomng figure carries the legend "5 million unemployed." Official figure on U. S. unemployed last month was about 1,600,000 lower. Picture apparently an effort to cast doubt on U. S. exhibit that is to open soon in Moscow, occupied the entire front page of Krokodil, a humor magazine published in the Soviet capital.

U. S. TELLS BERLIN West Terms Berlin Proposal

О'кей, давайте посчитаем!

АМЕРИКАНСКАЯ газета «Нью-Йорк таймс» перепечатала обложку четырнадцатого номера нашего журнала с рисунком художника Бориса Лео. В принципе мы не возражаем. Хотите перепечатывать — на здоровье. И чем чаще, тем лучше.

Однако «Нью-Йорк таймс» меньше всего настроена рекламировать наш журнал. Она решила уличить Крокодил в искажении фактов. Не понравился ей плакат на спине безработного. Крокодил «поддерживает легенду о 5 миллионах безработных, тогда как официальная цифра безработных в США за прошлый месяц была почти на 1,6 миллиона меньше», — гневается «Нью-Йорк таймс».

О'кей, давайте посчитаем!

В американских журналистских кругах «Нью-Йорк таймс» величают «великим громовержцем». Нельзя отказать «громовержцу» в известной предусмотрительности. Дабы избежать ответного удара, он благоразумно позаботился о громоотводе в виде прилагательного «официальный». Да, по официальным данным, в мае в США насчитывалось «всего-навсего» три с половиной миллиона безработных. (Кстати сказать, это тоже не бог весть какой повод для того, чтобы приплясывать от радости и распевать: «Тру-ля-ля, теперь все прекрасно!». За каждым потерявшим работу — жена и дети. Средняя американская семья — это четыре человека. Помножьте 3,5 миллиона на четыре. По правилам умножения, одинаковым на всех широтах и меридианах, получается четырнадцать миллионов несчастных, полуголодных людей с угасшими глазами.)

Но вернемся к «легенде о пяти миллионах».

Как обстоит дело не с официальными, а с действительными цифрами? Профсоюзный лидер Джордж Мини не является штатным фельетоном Крокодила. И даже внештатным. Тем не менее вот что он говорит: «Подлинная цифра безработных составляла в марте 5 800 тысяч, а не 4 326 тысяч человек, как заявляло правительство». И далее Мини довольно убедительно показал, как официальная статистика втирает публике очки, сбрасывая одним щелчком со счетов полтора миллиона безработных. Вот какой расчет приводит Джордж Мини. Два с половиной миллиона человек работают неполные смены, а это все равно, что миллион с лишним полностью безработных. Да к ним надо еще приплюсовать 300 000 молодых людей, которые после учебы не могут найти себе работы. Министерство труда не включает их в списки безработных, рассуждая, видимо, так: «Люди молодые, ноги крепкие, походят-походят, может, и найдут где заработать на хлеб. Всякое ведь бывает».

Газета-«громовержец» может возразить, что Мини говорил о делах мартовских, а она толкует о майских. Да, в мае официально признанные цифры снизились. А официально утаенные? Те самые полтора миллиона живых душ, в утайке которых Мини уличил джентльменов из министерства труда. Как быть с ними?

Короче говоря, если бы «громовержец» отложил в сторону пучок молний и вооружился вместо него простым карандашом и листком бумаги, то после самых несложных арифметических выкладок он пришел бы к такой же цифре, что и Крокодил.

«Нью-Йорк таймс» высказывает мнение, что крокодильский рисунок, очевидно, представляет собой попытку поставить под сомнение американскую выставку, которая скоро откроется в Москве. Но ведь Крокодил ни словом не обмолвился о выставке! Не правда ли, за подозрениями «Нью-Йорк таймс» слышится некоторая нервозность? «Громовержец» явно обеспокоен. Чем бы это, а?

Наш ТЕЛЕТАЙП

СТОЛ НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

ЧЕЛОВЕК не может оторваться от замочной скважины в двери одного из залов Женевского дворца наций. Он чем-то любит-ся. Он нежно шепчет:

— Дорогой... Многоуважаемый...

— Что вам здесь надо? — раздается строгий голос служителя в серой форме. — Заседания сегодня не будет. Газеты надо читать: совещание прервано. Министры иностранных дел вернутся сюда 13 июля. Зал пуст: только кресла да стол.

— Он-то, кругленький, мне и нужен.

— Кто он?

— Стол.

И субъект снова прилпает к замочной скважине, вожделенно шепча:

— Дорогой, многоуважаемый стол.

«Не иначе как злоумышленник!» — мелькает в голове служителя. Он грозно спрашивает:

— Вы кто такой будете?

— Шарль Бургу, владелец парижского ресторана, — с достоинством отвечает человек у скважины.

— Какой такой Бургу?

— Газеты надо читать! — парирует Бургу. — Я — сенсация.

Еще месяц назад обо мне вся мировая печать писала. Это я хочу купить круглый стол из зала совещания министров. Готов заплатить 50 миллионов франков.

— Рановато приехали, мсье. Совещание не окончено.

— Это еще вилами по воде... Сам Брентано, боннский министр, сказал, что возобновление совещания не имеет большого смысла. На простом немецком языке сказано: «Нет смысла». Ферштейн зи дойч?

— Нон, — отвечает женевец.

— Тогда послушайте простой французский язык. Парижская «Орор» спрашивает: «Зачем встречаться в Женеве 13 июля?» Действительно, зачем? Может, продадут мне стол, а?

— А что вы с ним будете делать?

«Эх, серость, ну что с таким говорить!» — думает Бургу.

Заманчивая картина давно уже завладела душой изобретательного ресторатора.

...Парижский ресторан. На самом видном месте красуется знаменитый женевский стол. За столом — представители Запада и Востока. Не настоящие, конечно, а вылепленные из воска. У дверей мсье Бургу с обворожительной улыбкой встречает публику, которая валом валит, чтобы поглазеть на «Женевское совещание». Публика валит, франки журчат. Ах, се си бон!

Бургу спешит не зря. У него могущественные конкуренты. Куда ресторатору тягаться с деятелями государственного масштаба! Вдруг, скажем, Аденауэр возьмет да купит стол. Боннский канцлер не покусится опустить полмиллиарда марок на изъятие ненавистного стола из Дворца наций. Под вооруженным конвоем стол доставят в Бонн, а потом под звуки прусского марша изрубят в щепки и предадут огню. Пепел развеет по ветру, чтоб и духу Женевы не было! Расходы на это мероприятие будут указаны в специальной статье военного бюджета: «Операция дер тиш».

И американские фабриканты оружия тоже не пожалеют, поди, отвалить миллиард, лишь бы убрать это круглое деревянное заграждение на пути гонки вооружений.

Тянутся хищные руки к женевскому столу. Уолл-стритовские лапищи. Боннские когти. Блудливые лапки мсье Бургу.

Руки прочь, господа! Круглый стол под неусыпным надзором. За ним следят миллионы пристальных глаз. После 13 июля на нем должны заскрипеть перья, подписывающие соглашение во имя мира. Этот стол не для продажи. И не для мебели.

С. ВИШНЕВСКИЙ

С разрешения дирекции

ДИРЕКТОР захворал. У него головокружение, мигрень, и он лежит в постели. Его замещал помощник. Но и у помощника начались головокружение и мигрень. Его заметил я.

Директор позвонил мне, кое-что посоветовал и ободрил:

— Волноваться вам нечего. У меня все организовано так, что без ведома директора на предприятии ничего не происходит. Ваше дело — спокойно сидеть в кресле и давать разрешения. И помните: самое главное — это срочно составить отчет за минувший квартал.

Для меня самое главное — что я сижу в плюшевом кресле и в моем распоряжении два телефона, «Победа» и секретарша.

— Дядя Гицэ ждет в приемной, — доложила секретарша.

Раньше я сказал бы: «Почему ждет? Пусть он идет сюда». Но когда сидишь в плюшевом кресле и у тебя на столе два телефона, то с языка слетают совсем другие слова.

— Товарищ Гицэ? М-да... Пусть войдет. Гицэ вошел.

— Я пришел по поводу кнопки, товарищ директор.

— Какой кнопки?

— В лифте. Надо исправить кнопку, а нам приказано не делать никакого ремонта без разрешения дирекции.

Я ожидал, что моя директорская деятельность начнется с чего угодно, но уж только не с кнопки лифта. Однако раз есть указание, пусть будет так. Я дал разрешение. Тем более, что исправление кнопки, каким бы несложным оно ни было, может официально фигурировать в отчете за минувший квартал как «...техническое усовершенствование электрооборудования лифтов».

Опять секретарша.

— Товарищ Попеску из отдела инвентаризации.

Попеску принес мне какие-то черновики, которые требовалось срочно перепечатать на машинке.

— Машинисткам дано распоряжение не принимать ничего без визы дирекции, — объяснил он мне.

Попеску вышел, и снова вошел дядя Гицэ. — Товарищ директор, вы разрешили починить кнопку, но не сказали, какой монтер должен это выполнять.

— Какой хотите.

— Монтеры не считаются с тем, чего хочу я. Им дано указание, что производит работу тот, кого назначает директор.

Я назначил Костинэ, и, удовлетворенный, дядя Гицэ ушел. Ушел дядя Гицэ, и явилась старшая машинистка, товарищ Маргарета. Я ударил себя по лбу.

— Знаю! Я не уточнил, кто из машинисток перепечатает бумаги Попеску.

— И не только это. Вы не уточнили, сколько экземпляров необходимо напечатать и на какой бумаге — веленовой, полувеленовой или папиросной.

Я начертил на уголке визу: «Разрешаю — три экземпляра — товарищ Ленуца — полувеленовая».

Когда товарищ Маргарета вышла, в моей приемной уже стояла очередь. Можно было подумать, что здесь не разрешения давали, а показывали «Гезу Ракэн», если даже не «Разбитые мечты».

Пришлось перейти к ускоренному методу, выслушивая одновременно двух или даже трех человек, что породило кое-какие недоразумения. Я разрешил шоферу взять десять литров

бензина, веленового, в трех экземплярах, а бухгалтера направил к электромонтеру Костинэ, чтобы срочно напечатать на машинке кое-какие докладные.

Незадолго до обеда позвонил по телефону директор и осведомился, как подвигается отчет. Я откровенно сказал ему, что в рабочие часы у меня нет времени на такие пустяки, и обещал написать отчет дома, вечером.

Не успел я прийти домой, как зазвонил телефон. Это ночной сторож сообщал мне, что перегорела одна из лампочек на фасаде, и спрашивал, согласен ли я на немедленную замену ее, поскольку есть распоряжение не делать никаких замен в электрической сети без разрешения директора.

Не помню точно, что я ему ответил. Помню только, что я сейчас же сел за стол, чтобы заняться квартальным отчетом. Но работать я не мог, так как был почти без чувств. Голова у меня шла кругом и началась мигрень. Пришлось лечь в постель.

На другой день я не пошел на службу. Меня заменил главный бухгалтер. Я объяснил ему, как писать отчет, хотя точно знал, что вечером и у него будет болеть и кружиться голова. Потом я стал по телефону вызывать врача из амбулатории.

— Сегодня врач прийти не может, — ответила мне сестра. — Завтра.

— Почему же завтра?

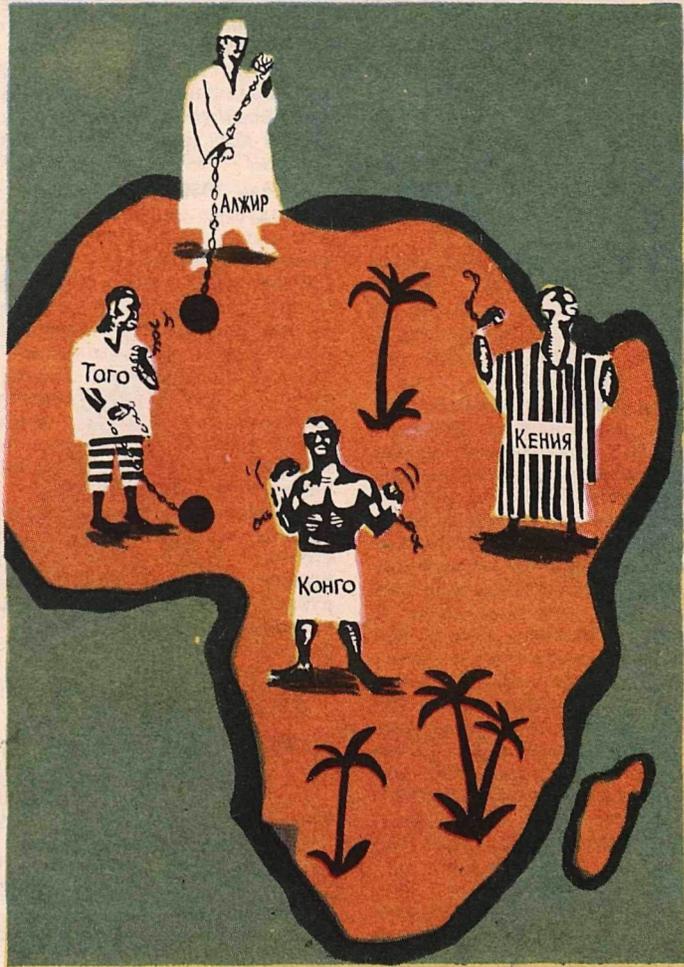
— Мы посылаем врачей на дом только с разрешения дирекции поликлиники, а сейчас там никого нет.

— Нет главного врача?

— Нет. Он ушел домой. У него немного болит голова...

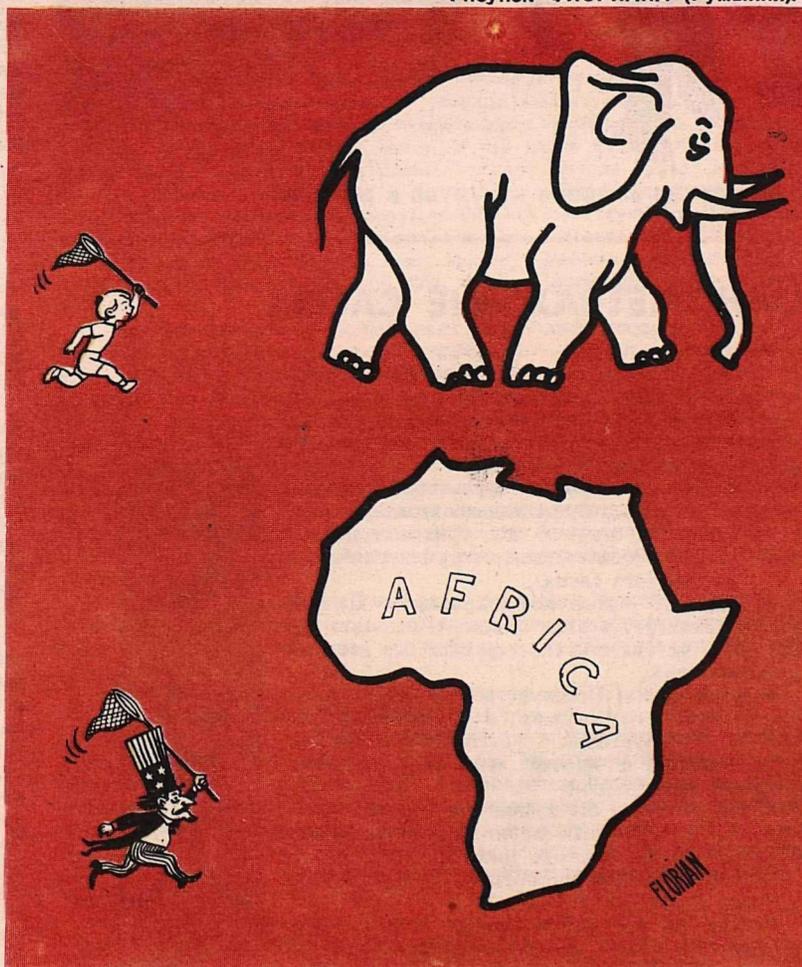
Перевод с румынского Д. ШПОЛЯНСКОЙ.

Рисунок Збигнева ЗЕМЕЦКОГО (Польша).

Цепная реакция.

Рисунок ФЛОРИАНА (Румыния).

Иллюзии.

— У нас самая высокая кукуруза в районе!..

ПОЛНОМЕТРАЖНЫЕ СЛОВА

Однажды я слышал, как вихрастый паренек спросил у своего одноклассника:

— Назови самое длинное слово.

Тот, перебрав в уме десяток длиннющих слов, торжествующе выпалил:

— Виноградосоковыжимательница! 27 букв.

Вихрастый пренебрежительно хмыкнул:

— Двадцать семь! А все тридцать не хочешь? Вот: Росглавстанкинструментснабсбыт.

— Нету такого слова...

— Как нет? — обиделся вихрастый. — Да мой папка шесть лет в этом самом «Росглаве» работает, а до сих пор не выучился без запинки называть его!..

Бедный папка! Посочувствовать ему может лишь тот, кто служит в АЗЕРЛЕСБУМСТРОЙСНАБСБЫТЕ, ГЛАВУПРЛЕСБУМСТРОЙСНАБСБЫТЕ и прочих «сбытах» с десятиэтажной надстройкой.

А вот запереть бы сочинителей этих снабсбытов в собственных кабинетах и заставить произносить, не переводя дыхания:

— ГЛАВУПРМАТТЕХСНАБСБЫТ при совнархозе Молдавской ССР...

Вольно им заставлять других ломать язык, выговаривая слова длиной в версту. Пусть сами помучаются!

Л. ЕЛИСЕЕВ

(ИЗ ДНЕВНИКА БУМАГОДЕЛАТЕЛЬНОЙ МАШИНЫ № 7)

Декабрь 1951 года. Ну, поздравляю сама себя с новосельем! Я прибыла к месту постоянной прописки: на Камский целлюлозно-бумажный комбинат. Здесь мне предстоит жить и работать: изготовлять мелованную бумагу. Хорошо тут! Мне все нравится: и люди и природа. Правда, уже наступила зима, но морозы мне не страшны — я тщательно смазана и упакована. И хотя приехала я пока не вся — мои части еще в пути, — настроение у меня великолепное. Тем более, что я сразу почувствовала отеческую заботу о себе министра бумажной и деревообрабатывающей промышленности тов. Воронова. Он недавно издал приказ, чтобы уже в будущем году начали строить для меня жилье. Проект должен обеспечить Гипробум. А контроль за всем этим министр возложил на своего заместителя тов. Вейнова. Теперь я спокойна.

Декабрь 1952 года. Не понимаю, что происходит! Мои части давно уже прибыли, но нас не хотят собирать вместе, и я в 1039 ящиках разбросана по всей территории комбината. Целый год меня поливает дождь, обжигает солнце, засыпает снег. От таких передрыг меня бросает то в жар, то в холод, а на жилье и намека нет: Гипробум не спроектировал. А милейший тов. Вейнов молчит, точно воды в рот набрал. Странно!

Апрель 1953 года. Хорошие новости! Министр установил предельный срок монтажа бумагоделательных машин — восемь месяцев!

Июнь 1953 года. Ага, пошло! Новый министр, тов. Орлов, совсем рассердился и установил Гипробуму окончательный срок разработки проектного задания — 1 сентября.

Октябрь 1953 года. Радостное известие! Есть решение пустить фабрику мелованных бумаг в 1955 году. Проектного задания, к сожалению, по-прежнему нет. Ах, Гипробум, Гипробум!

Декабрь 1953 года. Не знаю, радоваться мне или печалиться. Сюда в 1013 ящиках прибыла моя родная сестра — бумагоделательная машина № 8. Мне это, конечно, очень приятно, но как подумаешь, что и ей предстоят такие мытарства... Бр-р-р! Одна надежда на Вейнова. Не оставит же он нас в беде!

Декабрь 1954 года. Вот и еще год канул в вечность, и снова зима. Мы с сестрой лежим на морозе, у наших шестерен зуб на зуб не попадает, а конца не видно. Впрочем, и начала тоже. Ведь нельзя же считать началом два процента выполнения годового плана строительных работ. А о Вейнове почему-то ни слуху ни духу.

Апрель 1955 года. Пришла весна, а с нею и новый приказ нового министра, тов. Вараксина, о новом сроке пуска фабрики — к 1 января 1958 года. Значит, еще почти три года нам ничего не делать. А на-

зывается это в приказе «сжатыми сроками». Чудеса, да и только!

Март 1956 года. Час от часу не легче! Ко всем моим невзгодам прибавилась еще одна. По распоряжению заместителя министра тов. Чистякова сегодня безжалостно оторвали от меня и увезли в Соликамск одну из самых дорогих частей: агрегат Леонардо. Каково мне будет без него!

Декабрь 1957 года. Долго не вела дневник: ничего нового и тем более хорошего не произошло. План строительно-монтажных работ за три года выполнен всего на 38 процентов. Единственная радость: объявился Константин Александрович Вейнов. Он теперь начальник управления бумажной и деревообрабатывающей промышленности Пермского совнархоза. Уж сейчас-то он наверняка нам поможет: ведь ему до нас рукой подать.

Июль 1958 года. Ура! Наконец-то у нас с сестрой кончились злоключения: за дело взялся наш благодетель, теперь уже заместитель председателя совнархоза тов. Вейнов. Невозможно было без слез умиления читать его недавний ответ на критическую корреспонденцию в областной газете «Звезда» о затаившемся строительстве фабрики. Какой бьющей через край энергией и уверенностью дышали его проникновенные слова: «На настоящее время совнархоз разрабатывает план строительно-монтажных работ по новой бумажной фабрике с таким расчетом, чтобы ввести в эксплуатацию предприятие в конце будущего года на полную мощность! Теперь все! Нам осталось недолго терпеть».

Апрель 1959 года. Прочла свою предыдущую запись и покраснела, чего никак нельзя сказать о тов. Вейнове. Оказывается, план строительно-монтажных работ 1958 года под руководством тов. Вейнова выполнен на 18 процентов, план первого квартала нынешнего года — на 50 процентов. А я-то, наивная, поверила Константину Александровичу и рассчитывала, что в этом году кончатся наши мучения! Мы все так же валяемся без работы, без надежд и без многих деталей, которые исчезли за семь лет нашего неприкаянного состояния. А ведь обошлись мы не дешево: тридцать один миллион рублей, не считая четырех миллионов штрафа за замороженное оборудование. Так пристало ли нам бездельничать, тем более что бездельники явно не мы!!!

По просьбе буммашины № 7 записали Я. ДЫМСКОЙ, Е. КРЕЙН.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Нашла машина чем удивить тов. Вейнова. Подумаешь, сумма: тридцать один миллион рублей! Мелочь! На предприятиях Пермского совнархоза лежит и снучает оборудование на триста семьдесят пять миллионов рублей!

И то ничего. До поры, до времени, конечно...

Наука требует ЖЕРТВ

Е ДВА к белокаменному зданию МГУ на Ленинских горах подкатила автомашина с давно ожидаемым гостем, как ему навстречу выбежал экскурсовод.

— Если бы кто-нибудь захотел,— начал он,— пробыть в каждой комнате университета хотя бы по одному дню, ему потребовалось бы целых сто лет, чтобы обойти все здание.

Однако гость не собирался так разбазаривать свое время. Он очень торопился. Он хотел бы осмотреть лишь один факультет. Ну, скажем, биолого-почвенный...

Через десять минут экскурсовод уже разливался профессиональной трелью в здании биофака:

— Вот это ультрацентрифуга. Уникальная машина. Позволяет производить сложнейшие опыты над белковым веществом. А работает, представьте себе, всего двести часов.

— Сухая правда,— подтвердил суетившийся возле машины аспирант.— Двести часов — ее век, но мы его заедаем, и, к сожалению, в плановом порядке.

— Даже в плановом? — Гость вынул блокнот и карандаш.

— Конечно. Делать на этой машине предварительные опыты — все равно, что использовать китобойную флотилию «Слава» для ловли рыбы в Чистых прудах. Но мы, как видите, используем. Потому что вполне пригодную для таких опытов, более простую ультрацентрифугу монтируют уже пять лет...

— Стоит ли поднимать шум из-за пустяков! — Экскурсовод пожал плечами.— Такой университет, как наш, может позволить себе некоторую роскошь. Все-таки единственный в мире. Имени Ломоносова. Краса и гордость. Наука тоже требует жертв, и не меньших, чем искусство. Да и что для нашего государства какая-то одна ультрацентрифуга! Капля в море...

Аспирант хмыкнул.

— Капля? В таком случае дальше вы увидите настоящую каплю. Дождь. Тропический ливень.

Прогноз погоды не подвел. Лило со всех сторон.

Буквально через два шага гость остановился еще перед одной «каплей». Это была бездействующая уже много лет установка технологического кондиционирования воздуха. Каких только температур — от положительных до минусовых — нельзя на ней получать! Сама же установка находилась в явно замороженном состоянии.

Заворачивая в коридор, где расположены студенческие аудитории, гость и экскурсовод повстречали рабочего, который катил тележку с приборами.

— Куда вы их? — поинтересовался гость.

— У моего лафета маршрут один: лаборатория — свалка. С остановками во всех пунктах.

— Такие приборы на свалку?! Да они же почти новые!

— А у нас «почти» не считается. Ну-ка, пораскиньте: сломали вы, к примеру, пианино, а вам вместо него пожалуйста два новых! Стали бы вы со старым возиться!..

Экскурсовод начал проявлять признаки нетерпения. Он явно торопился. Однако пройти быстро по коридору сейчас, в самый разгар рабочего дня, было не такто легко. На дороге то тут, то там стояли группы людей в черных халатах работников службы эксплуатации. Они оживленно беседовали о капризах погоды и причудах большого футбола.

— Кто это? — Гость указал на беседующих.

— Из группы вентиляции.

— Чувствуется. Вентилируют важные вопросы. А эти?

— Из факультетской экспериментальной мастерской. Слева направо: инженер Чепцов, инженер Пучков, инженер Паршин. Крайний справа — инженер Титов.

— В одной мастерской столько инженеров?

— По-вашему, это много? Не волнуйтесь: инженеров среди них нет ни одного. У Чепцова с Пучковым среднее образование, Паршин окончил восемь классов, а Титов еще меньше — пять.

— Что же у них от инженеров?

— Зарплата. Наука, мой друг...

— Требуется жертв? Согласен. Но не чрезмерных, не излишних!

— Извините, но я не составлял штатное расписание. Экскурсовод знает только свой участок. Спросите, сколько в университете этажей, и я тотчас отвечу. Но не спрашивайте меня, с какого именно этажа здесь, извиняюсь, читают на вопросы экономии. Потому что я скажу вам: со всех тридцати трех. Впрочем, сейчас мы на кафедре ихтиологии. Зайдемте сюда, и я покажу вам людей, которые отдают науке все, не требуя ничего взамен.

Он открыл дверь.

В светлой комнате возвышался большой аквариум, эффектно просвечиваемый электролампой. Возле него стоял человек и наблюдал за жизнью рыб в условиях, максимально приближенных к естественным.

— Простите за беспокойство, товарищ профессор,— извинился экскурсовод,— но не могли бы вы ознакомить гостя с вашим методом кормления холоднокровных?

— Всегда рад поделиться опытом.— Профессор высыпал в воду немного корма и тихо позвал: — Цып-цып-цып...

— Что вы делаете?

— Без «цыпа» она корма не берет. Рефлекс я у нее выработал. Год старался.

— Вы не профессор! — хором воскликнули экскурсовод и гость.

— В своем деле и я профессор,— уклончиво ответил удивительный ихтиолог.— Но вообще-то меня здесь больше знают как начальника инженерно-технической службы Василия Ивановича Пелищенко. Ежели где, например, обнаружится утечка газа или испортится водопровод, тогда без Пелищенко не обойтись.

— А аквариум-то вам зачем? Ведь он одной электроэнергии съедает в год на 140 рублей!

— Ну так что? — Пелищенко пожал плечами.— Тут люди помельче меня персональными аквариумами обзавелись! Якимов, например, начальник электротехнического участка, или Власова, начальник 9-го участка отдела связи. У той даже два... Вот если бы я на физическом факультете работал, тогда другое дело. Тогда, ваша правда, аквариум ни к чему. Я бы себе в кабинет искусственный спутник поставил. Маленький, разумеется, но действующий. Чтoб вокруг письменного стола летал и обратно же приземлялся...

— Эта капля переполнила чашу моего терпения,— сказал гость, когда факультет остался позади. Он снова раскрыл свою записную книжку.

— Что вы делаете? — полюбопытствовал экскурсовод.

— Решаю задачу. Условие: факультет набрал оборудования на 390 миллионов рублей. Спрашивается: на сколько миллионов оборудования без всякого ущерба для себя он мог бы передать другим учебным заведениям? Второе: если учесть, что сейчас на факультете, насчитывающем 1 500 студентов, около 250 человек только технического обслуживающего персонала, то многие ли из них могли бы перейти на более производительную работу в другие места? И, наконец, третье: не улучшится ли учебно-воспитательный процесс на этом и других факультетах МГУ, если студенты займутся самообслуживанием, как это рекомендуется в постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР?

— Решить такие задачи даже нам, сведущим в науках людям, будет трудно.— Экскурсовод достал красивый томик и открыл его на чистой странице.— Лучше напишите что-нибудь здесь. Как говорят, на добрую память.

— Что это?

— Книга почетных посетителей.

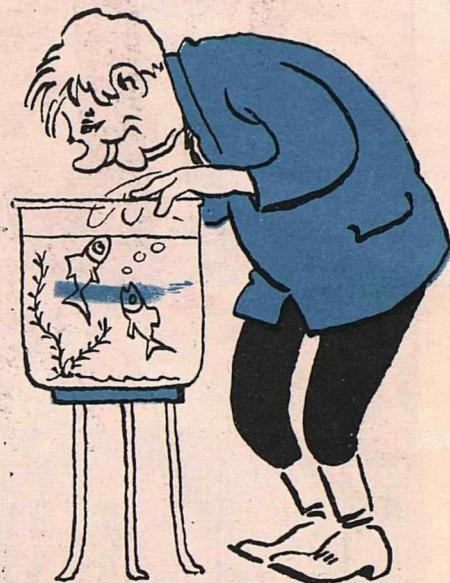
«Очень жалею,— написал гость,— что в университете слово «экономия» считается языковым архаизмом. Из отдельных капель всякого рода излишеств в районе МГУ образовалось настоящее море расточительства. Глубина этого нового искусственного моря непрерывно растет. Каждый год и каждый день в нем без остатка тонут огромные средства. Это жертвы единственной в мире науки, для знакомства с которой не обязательны университетские знания,— науки бесхозяйственности».

Гость подписался.

Книга почетных посетителей выпала из рук экскурсовода.

— Как,— вскричал он,— вы Крокодил? А я-то принял вас за кого-то другого...

Беседу записал Е. ПАТРИК.

— Не провожайте нас! Мы сами найдем дорогу до станции...
 — Что вы! Для меня это будет еще одним удовольствием!

АРГО

Фамилия такая — Обмывако,
 Скажите: вам знакома или нет!
 Он мне хоть и не близкий друг, однако
 Он мой сосед!
 Я не берусь такого опортретить,
 Всех черт его отнюдь не перечту,
 Но лишь одну хотел бы я отметить
 Его черту,
 А именно каким-то бурным пылом
 Он одержим, его же не страхнуть:
 Дня не проходит, чтобы не купил он
 Хоть что-нибудь!
 Какая бы то ни была покупка:
 Машинка для набивки папирос,
 Иль патентованная мясорубка,
 Иль пылесос.
 Он в них большой нужды не ощущает.
 Но я могу один секрет открыть:
 Он их на тот предмет приобретает,
 Чтобы обмыты!
 На водку, дескать, он ничуть не лаком,
 Но как тут быть, когда в конце концов
 Традиция от дедов перешла к нам
 И от отцов!

На днях его на лестнице встречаю —
 И уж таков у человека стиль,
 Несет в одной руке осьмушку чаю
 В другой — бутылку!
 И говорит лукаво и задорно:
 — Я целый год, не менее того,
 Как чаю не пил и прошу покорно
 Обмыть его!
 С обычаем герой знаком и дружен.
 И рассчитал, как должно знатоку,
 Чтобы обмыть осьмушку чаю, нужен
 Литр коньяку!

* * *

Конечно, он не безупречный витязь,
 Но безобиден, кажется, и мил!
 Все это только кажется! Вглядитесь,
 Ведь он прогнил!
 Что он не плут — невелика заслуга.
 Что не растратчик — честь невелика.
 Он, скажем просто, маленький пьянчуга,
 Но лишь пока!

НАМ СООБЩАЮТ...

«Похождения Коновалова». Так назывался фельетон в № 4 журнала, где рассказывалось о том, как зам. начальника Туапсинского отделения Северо-Кавказской дороги тов. Коновалов ведет себя во время служебных командировок. Из управления дороги нам сообщили, что за пьянство в вагоне и безобразное поведение Коновалов освобожден от занимаемой должности.

«Заглянем в наши клубы» — приглашал Крокодил в фельетоне, опубликованном 10 апреля. Между прочим, заглянул он и в Липецк, где познакомился с председателем правления Дома культуры Студенческого рудоуправления тов. Загвоздкиным. Этот «сеятель разумного, доброго, вечного» в то время был крепко «навеселе» и пикировал на скрижке, извлекая из нее звуки, мало радующие посетителей.

Аплодисментов после его выступления не было. Зато после выступления журнала Липецкий горком партии наградил Загвоздкина выговором и освободил от работы.

«Поднидыш». Под таким заголовком в № 6 журнала опубликована заметка о том, что в Тайнчинской РТС Кокчетавской области никак не могут открыть уже выстроенные детские ясли. Понадобилось вмешательство Крокодила и специальное решение Кокчетавского облисполкома, чтобы ясли были, наконец, открыты.

ЛЕД ИЛИ ЗАВОД?

МНОГО сложено крылатых словечек о пропавших деньгах. В народе говорят: деньги на ветер брошены, деньги сквозь пальцы текут, деньги в трубу вылетели и так далее. А могут ли деньги таять, превращаясь в простую воду?

Оказывается, могут. На Северном Кавказе в прошедшую зиму растаяло более шестнадцати миллионов рублей.

Технология этой метаморфозы такова.

Известно, что с Кубани и из Ставрополя везут во все концы овощи, мясо, битую птицу, фрукты и прочие дары природы. А чтобы эти дары в дороге не пропали, везут их в вагонах-ледниках, куда обязательно кладется лед. Но льда на Северном Кавказе негусто, ибо шустрей горные реки зимой не желают замерзнуть. Приходится возить лед с Волги или Оки. И возят! В прошлую зиму железнодорожники Северо-Кавказской магистрали привозили мороженую воду за 800—1 000 километров. Под нее было занято 10 тысяч вагонов, уплачено по тарифу 7,5 миллиона рублей. А всего на эти перевозки затрачено 11,5 миллиона рублей. Орджоникидзевская дорога таким же манером навозила льда на 5 миллионов.

Спросите: а что же делать? Лед-то нужен? Нужен! На месте его нет? Нет. Значит, нужно возить.

Не обязательно. Призовите на помощь матушку-технику. Постройте льдозаводы и морозьте местную воду сколько душе угодно.

— Правильно! — сказали в Министерстве путей сообщения. — Ловко придумали! Вот вам 7 миллионов и стройте завод искусственного льда на станции Тимошевская Северо-Кавказской железной дороги. Правда, один новый завод — это не выход из положения, но ежели его прибавить к тем заводам, что имеются, все же будет больше своего льда.

Эти мудрые слова были сказаны ровно 10 лет назад, в 1949 году. От слов до дела прошло немало времени. Завод начали строить в 1954 году. С тех пор много утонуло в кавказских реках воды, так и не превратившейся в лед. И много растаяло денег. Только за охрану... не завода, а стройматериалов и оборудования сторожам уплачено 70 тысяч рублей. Несмотря на дорогую охрану, стройка все же два раза горела, и деньги летели на ветер. Завод не вполне готов и по сей день.

За 7 лет, что строился завод, кто только не резвился на этой стройке: и управление восстановительных работ МПС, и Краснодарское СМУ, и трест «Севкавтрансстрой», и строймонтажпоезд № 6 «Минтрансстрой», и многие другие! За 7 лет сменилось 8 начальников строительства, а некоторые, как Воронин и Бомбер, даже руководили по два раза. По очереди содержались четыре начальника несуществующего завода.

Так кто же виноват? Попробуйте определить, товарищи из Министерства путей сообщения. Ждем ваших сообщений. А заодно подсчитайте, что дешевле: возить мороженую воду за тридцать земель или построить льдозаводы на месте. Учтите при этом, что завод стоит 7 миллионов с хвостиком, а привозной лед за год... Впрочем, об этом уже сказано в начале фельетона.

**А. ФИЛАТОВ,
Л. АЛЕКСАНДРОВА**

Мелькомбинаторы

ЕСТЬ в Чишминском районе Башкирии село Дурасово. И стоит тут, на берегу Демы, в окружении высоченных осокорей большая водяная мельница. И живет-поживает при мельнице Алексей Яковлевич Мельников, директор мелькомбината мельтреста Министерства продовольственных товаров БАССР.

Фамилия у директора не случайная: отец, дед и прадед Алексея Яковлевича были мельниками, и, разумеется, старой закваски. От них-то, своих предков, унаследовал А. Я. Мельников не только фамилию, а и некоторые хозяйские качества.

Алексей Яковлевич подобрал себе усердных помощников, способных любого обвести вокруг пальца. Они оборудовали несколько побочных каналов, по которым часть продукции течет в потайные сусеки, а затем под шум мельницы и под надежным директорским прикрытием растаскивается по соответствующим квартирам.

«Утечка» зерна производится при помощи специально сделанной жестянки, которую в свободное (от воровства) время прячут между стропилами и кровлей. (См. фото внизу справа.)

Самое укромное местечко, где царит мрак, — это турбинное отделение. В вертикальной деревянной трубе мучного стока имеется аварийное отверстие, которое можно открывать лишь после остановки мельницы. Однако мельничные ловкачи предпочитают делать это именно в процессе помола. За этим излюбленным занятием мы и сфотографировали любимца директора Кашафа Галикеева. (См. фото сверху.)

Полученная таким способом мука ссыпается в закром, устроенный под полом турбинного отделения. Нам удалось сфотографировать и этот закром, так как мельничные комбинаторы тащат открыто, среди бела дня.

Когда председатель местко-

ма кладовщик Г. С. Яковлев обнаружил на втором этаже и оприходовал 570 килограммов отходов, старший мельник Кириллов пояснил с наивностью дошкольника:

— Я не знаю, как это случилось.

О том, как это «случается», рассказали нам некоторые помольцы.

Колхозник сельхозартели имени Чапаева, Чишминского района, А. Ф. Белокуров:

— В четверг я сдал на Дурасовскую мельницу зерно. При получении муки обнаружил недостачу в сорок три килограмма.

его сподвижники не любят пить воду, которая только мельницы ломает. Другое дело — водка и самогон. Особенно весело гуляют в дни получек, когда съезжаются работники с подведомственных мельниц. Выпьют — и катаются по Дурасову на лошадях с песнями, как на масленицу. Пьют в конторе, на квартирах, на мельнице. В турбинном отделении мы сфотографировали бочку с наворованной пшеницей и опорожненные поллитровки. (См. фото внизу слева.)

А как на все эти проделки смотрит управляющий мель-

Колхозник из этой же сельхозартели Р. Н. Лукашевич:

— У меня в этот день недостало пятнадцати килограммов муки.

Колхозник Н. Н. Белокуров: — А у меня — двадцати килограммов.

Колхозник М. Ф. Мурыгин: — И у меня девятнадцать.

Колхозник Кадыр Асадуллин из деревни Сафарово:

— Я молот свое зерно в смену мельника Галикеева и сам выгреб из-под пола сорок килограммов муки, но там осталось еще мешков пять...

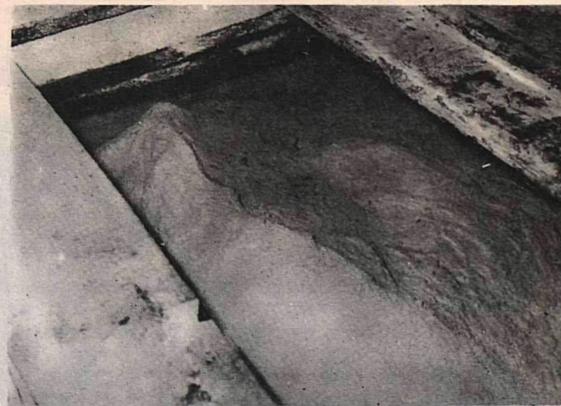
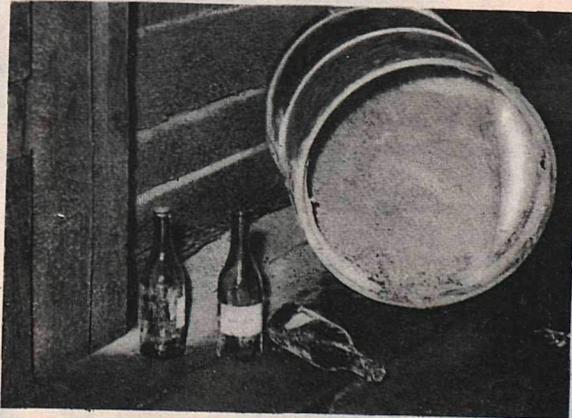
Вот откуда берутся «излишки». Впрочем, мука перегоняется не только в потайные сусеки, но и в некую жидкость... Алексей Яковлевич и

трестом Н. С. Петров? О, это человек компанейский! Он не отрывается от коллектива. Навоз для удобрения личного огорода везут ему из Дурасова в Уфу (75 километров). Подбрасывают потихоньку и сеянку, и зерно, и отходы для кормления живности, а заодно и еще кое-что, так сказать, на культурно-бытовые нужды.

Словом, хорошо обслуживают себя мельники. И так втянулись они в самообслуживание, что и не боятся ничего, не волнуются. Действуют по правилу: не унывай: перемелется — мука будет.

**Н. РТИЦЕВ,
С. ЯРНЫХ**

г. Уфа.

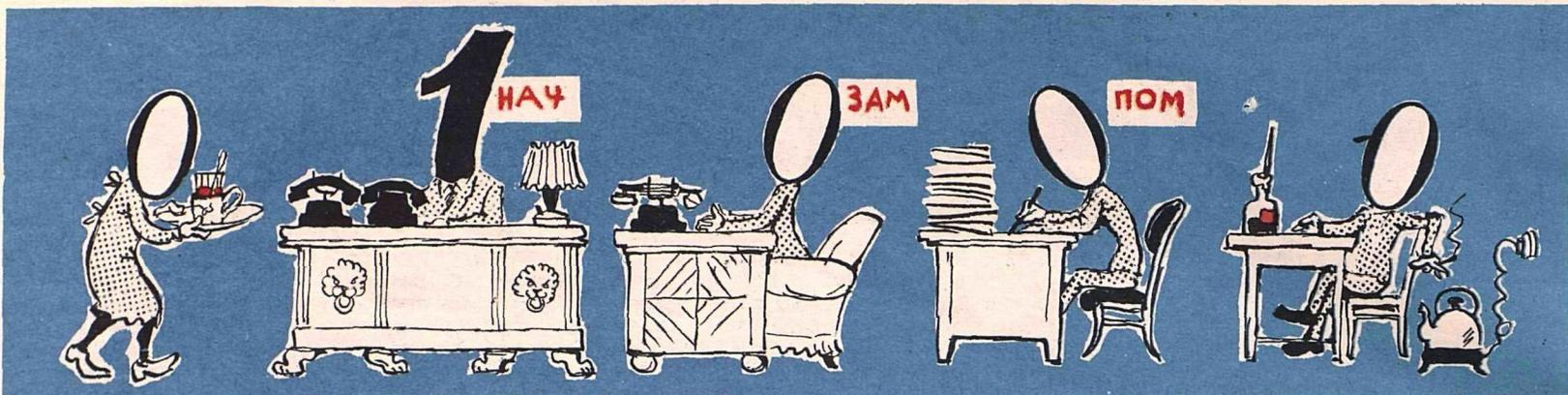

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

Глазами директора-заявки.

Что хотел сказать мудрый старик

КАК-ТО в одном из удивительно тихих коридоров Министерства культуры СССР мы неожиданно столкнулись лицом к лицу со знаменитым Моллой Насреддином.

— Какими судьбами, мудрейший, вы здесь?

— Видит аллах, я плохо разбираюсь в вопросах искусства и культуры. Вот и заглянул сюда, чтобы присмотреться к этому интересному миру...

— Само небо послало вас! — воскликнули мы в один голос. — Расскажите о своих впечатлениях.

— Что я могу сказать? Давным-давно, когда у меня долгов было больше, чем звезд на небе, я решил заняться торговлей. Покупал на рынке яйца по десять копеек за десяток и тут же продавал их по девять копеек. Друзья удивились моей непрактичности. «Молла, что это за торговля? Ведь ты же терпишь убыток!» «Ничего, — спокойно ответил я. — Хоть торговля моя и не выгодна, но зато все видят и говорят: «Молла тоже стал купцом».

Мы выслушали рассказ Моллы и не скрыли своего недоумения.

— Что, непонятно? Какое это имеет отношение к Министерству культуры? Соображать надо, дети мои! — сказал он и, пряча лукавую улыбку в бороду, неслышно исчез в тихих коридорах-лабиринтах министерства.

Что же хотел сказать своей притчей мудрый Молла?

О ЧЕМ Мечтает народный артист

НАРОДНЫЙ артист Н. Н. оказался буквально неуловимым. Застать его в театре нечего было и думать. То он мчался в союзное министерство, то ехал в министерство республиканское, а то надолго застревал в Московском управлении культуры.

И все-таки нам повезло: мы перехватили Н. Н. в перерыве одного из бесчисленных совещаний, в которых он принимал непрерывное участие. Накоротке, но довольно откровенно и сердечно мы поговорили с ним обо всем, что волновало его, и не только его одного...

— Вы хотите знать, почему я так много заседаю? Не потому, конечно, что мне нравится быть в роли прозаседавшего. Но как отказаться от бесчисленных приглашений? Может выйти так, что человек протягивает тебе руку, а ты не замечаешь... Да ведь и заседания все деловые!

Театрам предоставили широкую самостоятельность. И очень хорошо! Мы теперь вправе решать и судьбу своего репертуара, и состав труппы, и гастрольные планы. Но нас продолжают считать беспомощными мальчишками в коротких штанишках, которые, если за ними не усмотреть, того и гляди разобьют себе нос. Вот и опекают с помощью разных совещаний и заседаний.

Мы столичный театр, и, естественно, за нами «присматривает» Московское управление культуры. Это наше, так сказать, прямое начальство.

Республиканское министерство, естественно, тоже проявляет о нас отеческую заботу. А союзное Министерство культуры, само собой разумеется, ни за что не хочет оставаться в стороне. Под его началом и присмотром находятся всего три академических театра союзного значения. Где уж тут развернуться! И невольно, по привычке, точно ничего не изменилось, Министерство культуры СССР продолжает осуществлять над нами, столичными театрами, свое руководство.

Я отнюдь не против такого руководства, если оно на пользу. Даже наоборот... Вы знаете, о чем я мечтаю? Я мечтаю о том заветном дне, когда раздастся звонок уважаемого Николая Александровича Михайлова и я услышу его грацирующий голос:

— О чем мечтаете, товарищ народный артист? Каковы ваши творческие замыслы? Какую постановку хотели бы вы осуществить? Вы как будто желали поставить пьесу о строителях Братска? Давайте посоветуемся... Вы, говорят, разработали любопытный проект народного театра нового типа? Это очень интересно! Кстати, мы тоже давно носимся с мыслью устроить в Лужниках большое народное представление. Как бы нам встретиться и в непридуманной обстановке потолковать обо всем?.. Не возражаете?

Увы, это только мечта! Хотя, кто знает, вполне возможно, сейчас, когда я с вами делюсь своими сокровенными мечтами, наш уважаемый Николай Александрович мечтает о том же самом... Но этого, к сожалению, не знает никто...

И мы пока встречаемся с ним на заседаниях по таким делам, которые с успехом могут решить и в городском управлении культуры и в министерстве Федерации.

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ

ЛЕНСКИЙ и Ольга были совсем молодыми, почти детьми. В этом возрасте их любовь трагически оборвалась.

Но, написав свой роман в стихах, А. С. Пушкин обронил явно неосторожную фразу: «Любви все возрасты покорны». Тезис этот был дружно подхвачен оперными театрами и возведен в ранг директивного указания. Возрастной ценз юных оперных героев и героинь резко увеличился. Не случайно один знаменитый оперный певец заявил:

— Спою Ленского и уйду на пенсию! Проблема возраста на оперной сцене встревожила органы Министерства культуры РСФСР.

— Будем выдвигать выпускников вокальных учебных заведений, — сказали в министерстве.

Но оказалось, что и при этом порядке рекрутирования солистов все равно Джульетта больше напоминает свою маму, чем самое себя. Тогда встревоженное министерство пересмотрело условия приема в вокальные учебные заведения Российской Федерации. Был установлен новый предельный возраст для поступающих — два-

дцать пять лет. Значит, на оперной сцене молодые певцы и певицы окажутся в тридцати — тридцатипятилетнем возрасте.

— Конечно, это далеко от идеала, но все-таки будет шагом вперед, — решили в Министерстве культуры РСФСР и стали ждать молодого пополнения.

Однако произошло по-другому. Минувя республиканское министерство, во все вокальные учебные заведения РСФСР полетело распоряжение Министерства культуры СССР:

«Принимайте на вокальное отделение не в двадцать пять, а в тридцать лет!»

Возраст Ленского и Ольги снова подскочил. Снова престарелые выпускники будут потрясать зрителей своим талантом и... своим возрастом.

В республиканском министерстве ахнули... и успокоились:

— Ничего не поделаешь: начальство решило.

И союзное «начальство» решает так довольно часто. Дает вузам республиканского подчинения учебно-методические поручения, обязывает рецензировать учебные программы и пособия. И делает это без ведома министерства Федерации. Где уж тут четко планировать научно-исследовательскую и методическую работу!

А бывает и так. Однажды доцент Института имени Гнесиных тов. Аден удостоился высокой чести: министерство Союза опять-таки без согласования с республиканским министерством командировало его в разгар учебного года в Баку.

— Как же быть с одиннадцатью выпускниками, которых ведет доцент Аден? — всполошились в министерстве Федерации.

— Будущие Ленские и Ольги подождут. Нам виднее, кому петь сейчас, кому потом, — заявили в союзном.

Выпускникам пришлось ждать долго: командировка доцента Адена затянулась на пять месяцев...

БРОНЕБОЙНАЯ «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

ИЗВЕСТНЫЙ чеховский рассказ начинается так: «Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой...»

Совсем недавно новое лицо — «Дама с собачкой» — появилось на набережной Невы, в тематическом плане киностудии «Ленфильм». Эта «молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете» буквально очаровала видного кинорежиссера тов. Х.

— Не могу без «Дамы с собачкой!» Вижу ее наяву раскадрованной в художественном фильме!

В союзном министерстве благосклонно выслушали восторженного кинодеятеля.

— Ну что ж, собачка так собачка... Ставьте! Мы поддерживаем...

А через несколько дней затея с экранизацией «Дамы с собачкой» в том же союзном министерстве была подвергнута уничтожающей критике. Досталось по первое число и даме, и собачке, и режиссеру Х., и студии «Ленфильм».

— Что еще за «собачка» на нашу голову?

И без нее достаточно на нас собак вешают! Сейчас нужна современная тема — и никаких!

Но «Дама с собачкой» решила не мытьем, так катаньем прорваться на экран. Режиссер Х. вспомнил, что студия «Ленфильм» подчинена непосредственно республиканскому министерству; оно-то и призвано решать все вопросы, касающиеся работы студии.

В республиканском министерстве внимательно выслушали режиссера и высказали немаловажные резоны:

— Антон Павлович и так уже не раз выступал соавтором многих сценаристов. И почему вам так приглянулась именно «Дама с собачкой»? Почему не «Дядя Ваня», не «Три сестры»?

— Хочу только «Даму с собачкой!» — не унимался режиссер Х.

— Но вы же, насколько нам известно, собирались продолжать работу над современной тематикой! Какое для вас творческое раздолье!

— Нет и еще раз нет! Только «Даму с собачкой!» — бубнил режиссер.

Республиканское министерство все же настояло на своем. «Даме с собачкой» пришлось потесниться и уступить место современной теме.

Но тут союзное министерство, которое совсем недавно так рьяно ратовало за современность, вдруг совершенно неожиданно ополчилось на министерство республиканское:

— Немедленно реабилитировать «Даму с собачкой» и включить ее в план студии «Ленфильм»!

Современности снова пришлось потесниться...

КРОЛИКИ НА МАГАДАНЕ

МАГАДАНСКИЕ книготорговцы сблизись с ног. Они осаждали предприятия и учреждения:

— Разводите кроликов! Ну, пожалуйста! Хотя бы немного!

— Какие кролики? Не живут они в наших краях, — слышалось отовсюду одно и то же.

— Но ведь кролик — это нежнейшее мясо и ценная шкурка...

Вы хотите знать, почему из всех отраслей сельского хозяйства работники книжной торговли Магаданской области сделали упор на кролиководство? Очень просто. Они получили из «Союзкниги» — Всесоюзного объединения книжной торговли Министерства культуры СССР — 1500 экземпляров брошюры «Кролиководство». И честно пытались их распространить...

Вас интересует, каким же образом эти книги попали в Магадан? Может, магаданцы по ошибке заказали их? Ничего подобного! Они и не думали заказывать. Зато за них подумали в Москве. Оказывается, за-

работная плата работников «Союзкниги» находится в прямой зависимости от того, сколько книг они отгрузят со своих баз и складов. Каких книг, нужных или совсем ненужных, — это никого в «Союзкниге» не интересует.

Теперь всем ясно, почему книжные магазины списывают в макулатуру на миллионы рублей книг.

«Неужели на «Союзкнигу» нет управы?» — спросит читатель.

В том-то и дело, что нет! Своя рука — владыка: у «Союзкниги» Министерства культуры СССР есть книжные базы, но нет магазинов. А у республиканской «Роскниги» есть магазины, но нет книжных баз. Правда, правительство давно предложило передать все книжные базы в «Роскнигу». А «Союзкнига» уперлась:

— Не отдам базы, и все! Подумайте, на что вы нас толкаете? Отдадим вам базы, а что у нас тогда останется? Шип с маслом! Нам тогда и делать будет нечего...

И «Союзкнига» зубами вцепилась в базы. И пытается руководить книготоргами, как будто «Роскниги» нет и не было на свете.

НА ЧТО НАМЕКАЛ МУДРЫЙ СТАРИК

ДА, и на этот раз оказался правым мудрый старик: удивительно непрактичные люди в Министерстве культуры СССР! Далась им эта суета: все норовят поняичить прежних дочек и сынков своих, хотя те уже великовозрастными стали и могут без слюнвячиков и погремушек обходиться.

А в то время настоящее дитя без пристрастия. Например, советская опера. Или советская пьеса (настоящая современная пьеса, а не кустарное рукоделие-однодневка). Или та же тема современности в культурах братских народов. Вот уж где действительно нужны и настоящий размах, и большой, глубокий разговор!..

Пусть простят нас работники союзного министерства за то, что мы невольно впали в назидательный тон. Просто нам думается, что описанные выше дела не ваша стихия, товарищи.

Дорогие товарищи из союзного министерства! Смеем вас заверить, что ничего страшного не произойдет, если действительно республиканские министерства станут полноправными руководителями всех культурных учреждений на своих территориях. Освободите их от мелочной опеки. Не цепляйтесь за вчерашние, устаревшие формы, не ставьте себя в положение Моллы Насреддина, который торговал себе в убыток, лишь бы его все считали купцом.

Е. ВЕСЕНИН,
В. КОЗЛОВ

По прямому проводу

от наших читателей

Бухта Ольга, Приморский край. Есть в нашей парке танцевальный «пяточок». Входная цена на этот «пяточок» — 3 рубля. За эту сумму на каждую танцующую пару обрушивается примерно 20 кубометров пыли. Короче говоря, возможность приятно провести досуг на танцевальной площадке практически равна нулю.

Г. СКРИПКО

г. Казань. В тресте «Газнефтепроводстрой» растерянность и смятение. Прослыть банкротами не хочется, а оплатить счет без ущерба своей репутации невозможно. Попробуйте предъявить банку или почте перевод на 82 копейки — засмеют!

Кредитор же — всесоюзная техническая контора «Газстройзапчасть» — неустанно напоминает о неоплаченном счете. Что делать должнику?

Видимо, одно из двух: или просить «Газстройзапчасть» прислать в Казань инкассатора, или снарядить в Москву нарочного с 82 копейками. Но на чей счет отнести командировочные расходы?

Ф. ТАРАКАНОВ

Воронежская область, Поворинский район. Инкубаторная станция, что в селе Пески, работает только 4—5 месяцев в году, но там круглый год содержится специальный штат с фондом зарплаты около 50 тысяч рублей. Очевидно, областное управление сельского хозяйства намерено специализировать станцию для высиживания не столько цыплят, сколько напрасных расходов.

М. ФЕДОСОВ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Без слов.

Листая страницы Цирковой номер

Получив очередной, июньский номер журнала «Советский цирк», подписчики прочли, вероятно, статью «Цирк Гаджикурбанова». Ознакомились они, наверно, и со статьей «Большое начинание», помещенной в этом же номере. Статьи как статьи, не хуже и не лучше других. Но вот что привлекло внимание читателей. Под первой статьей стоит подпись «Е. Марков», под второй — «Е. Вокрам». Буквы те же, а фамилия каная-то иностранная: Вокрам!

Все разъяснил ответственный секретарь редакции «Советского цирка» М. С. Коган:

— Никаких Вокрамов, это тот же Марков, сотрудник редакции, но только вставший на голову!

Вот, оказывается, где разгадка! Конечно, сотрудникам печатного органа, воспевающего искусство цирка, не возбраняется иногда становиться на голову или выкидывать другие цирковые номера, но не в журнале же!

Или, может быть, переименование фамилий практикуется в журнале для того, чтобы показать, какой широкий авторский актив в нем сотрудничает? Но тогда это надо делать тоньше, чтобы публика не освистала!

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ

Роман писателя-фантаста
Отстал от жизни лет на полтора.

«ЗАПОМНИТЕ ПЕСНЮ!»

(Так называется одна из передач
Всесоюзного радио)

С запоминанием дело очень сложно:
Здесь много текстов бледных и сырых.
Запомнить их, во-первых, невозможно,
Запоминать нет смысла, во-вторых!

С. ШВЕЦОВ

Просто так

Муж ушел из дому. Жена написала заявление. Оно дышало гневом и ненавистью. Она писала, что ее муж — вор, жулик, взяточник, разлагает сына, пьянствует в ресторанах, что его надо отдать под суд, лишить отцовства. Закончила она письмо так: «Верните мне мужа».

* * *

Начальник управления, кабинет которого находится против здания городского Совета, уходя вечером домой, доверительно говорил секретарю:

— В кабинете свет не гасите. Пускай председатель думает, что я работаю.

М. ЛОКТЮХОВ

МОЛЬ-КОНТРОЛЕР

На ткацком комбинате моль
Вела над качеством контроль...
Не трудно угадать заранее,
Какого качества там шерстяные ткани!

Вл. КАПНИНСКИЙ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

(ИЗ ПОЧТЫ ОДНОЙ РЕДАКЦИИ)

Я ТАКАЯ ЖЕ ЖЕНЩИНА

— Судостроитель Иванов вел себя грубо и недостойно, хотя я такая же советская женщина, как и он.

ВОПИЮЩАЯ ПРОСЬБА

— Жильцы дома 35-а вынуждены обратиться к вам с вопиющей просьбой: избавить нас от дождевых наводнений.

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

— Но ремонт проживающим жильцам не делается. Только одному начали капитальный ремонт.

ОБРАЗ ДЕЙСТВИЯ

— Применил рукоприкладательство к моим вещам.

А. ХОРОШИЛОВ

К ВОПРОСУ О СЕРМЯГЕ

РАДИОСЛУШАТЕЛЬ включает приемник. Передача уже началась. Радиостанция транслирует... Позвольте, что же такое она транслирует?

Коверкая язык, артистка вкладывает в уста некоего персонажа такие слова о балетном представлении:

«...И до чего ж там артистов плохо одевают! На мужчинах, к примеру, одни рукава, пиджачок коротенький... А женщины в этом балете — худые! Не кормят их, видать, совсем... И что там только над ними парни не творят! Один здоровый взял такую пташку за ножку, уж он ее винтил, винтил, я думаю, ну, сейчас он ей ножку отвинтит, ан, видать, как почувствовал, что она и впрямь отвинчивается, так он ее всю и отшвырнул! Она встала, бедная, вся затрепыхалась и обратно к нему бежит... Зарплата, говорят, у них огромная».

Откуда сие? Наверное, решили познакомиться зрителя со «Сценами из народного быта» писателя и актера Ивана Федоровича Горбунова, которые он сам сочинял и сам с успехом исполнял в прошлом веке?

Ну, конечно, так и есть! Вот некий персонаж попал в цирк и умозаключает: «От хорошей жизни под купол не полезешь». Это же явная перефразировка широко известных горбуновских слов: «От хорошей жизни не полетишь!»

Впрочем, позвольте, какой же тут Горбунов, когда дальше речь заходит о метрополитене, о милиционерах?..

Да, мы жестоко ошиблись. Мы забыли, что, проходя мимо здания Челябинской филармонии, видели большой плакат:

«Артистка МХАТ СССР
Елизавета Ауэрбах
Устные рассказы».

Она и есть автор и исполнитель «Рассказа за деда». Персонаж рассказа — это некий

пензенский старичок, который впервые попал в Москву и теперь рассказывает о ней своим землякам.

Артистка всячески старается оглушить своего фальшивого деда. «Поезд дальше Москвы не идет — рельс кончается», «Перед праздниками москвичи не пьют, не едят, — деньги гонят, потом пойдут по лавкам и все под метелку (скупят)», «Милиционер в стеклянной банке сидит» и т. д.

О метрополитене этот самый мифический дед изрекает: «В сторонке от статуй вагонетки ходят», «Карабкаешься по лестнице вверх, а она за тобой ползет, не знаю зачем», «План кротовой жизни — чтобы и людям так» и т. п.

Слушаешь эту рекою льющую глупость — и ушам своим не веришь.

Нет ведь сегодня в пензенской деревне таких мужичков! Пензенский дед слушает радио, смотрит телепередачи, читает газеты и журналы и отлично во всем разбирается.

В свое время один горбуновский персонаж так изъяснялся о театре:

«Нам все одно, что хошь представляй... Пришли, а там тальянские ахтеры действуют... сидят, примерно, за столом, закусывают и поют, что им очень превосходно».

Так ведь это было 80 лет тому назад! Так ведь это изъяснялся безграмотный, подвыпивший купчик!

В. САФОНОВ

г. Челябинск.

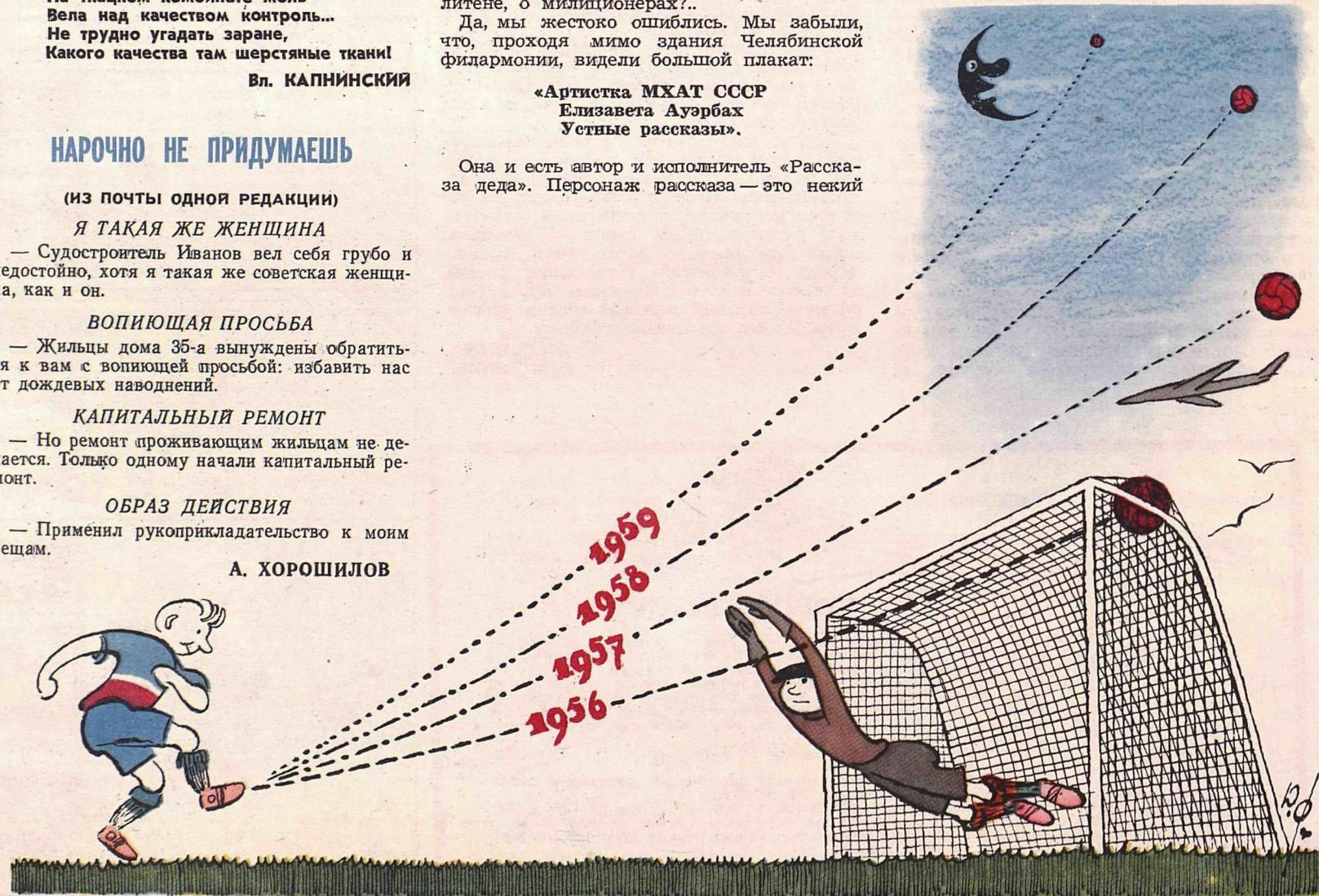
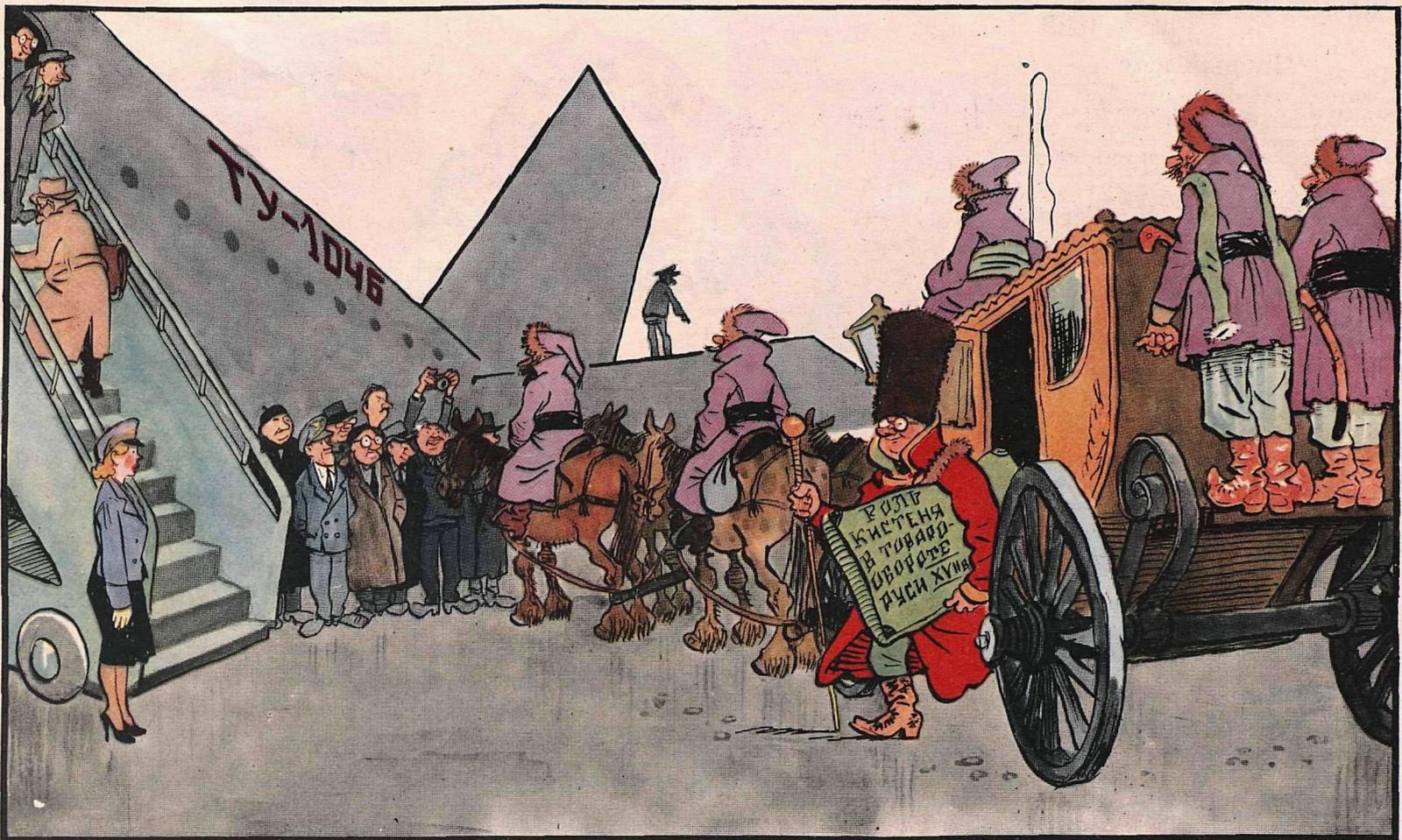

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА по теме А. ЛУЗАНА (г. Харьков), присланной на конкурс.

Кривая роста мастерства футболиста Зазнайкина.

На защиту диссертации.

У ЧУДОТВОРНОГО ИСТОЧНИКА

БАБКА Матрена работала в колхозе «Озерный» птичницей. И не раз слышала от своего председателя Христофора: — Птица — это боковое ответвление генеральной линии нашей артели. А центральная задача — свинина. Но поскольку сверху требуют, чтобы была в наличии птицеферма, вот мы и держим тебя как фигуру для отчетности. Платим тебе прожиточный минимум. А чтобы птица колхоз сожрала, этого я не допущу! И лучше о своей ферме не заикайся.

Так горько было Матрене слушать подобные речи, что занедужила старая. Как червь, вточилась в нее хворь. А тут еще зашла к бабке Серафимушка, бывшая поповна. Числилась Серафимушка колхозницей, а промышленяла все больше делами божественными: кому крестик для новорожденного продаст, кому иконку, а где кто померет, над покойником всю ночь псалмы царя Давида распевает.

Вонзила Серафимушка ядучие глаза в бабку Матрену и словно буравить начала:

— Послал тебе господь бог, Матрена, испытание. Но это он по любви! А вот узрит твою верность и вспоможет!.. Скоро девятая пятница, так надо сходить тебе, Матрена, к чудотворному источнику великомученицы Параскевы. Помнишь, в пятьдесят-то третьем паломничали с тобой? И на хромных, и на заикающих, и на бесплодных благодать сниходила!.. А вернешься — и на селе расскажешь, как святая Параскева помогла тебе.

Поддалась бабка Матрена. Упросила Христофора отпустить ее на недельку в город к родственникам. А сама в Рязанскую область свернула. На станции Сасово слезла с поезда, и пешком в село Кошибеево. На окраине этого села в лесистом овраге

издавна часовенка стояла, и тут же бил чудотворный источник.

Каждый год у чудотворного источника собирались тысячи хворых, юродивых, кликуш, псалмопевцев и проповедников в рясах и без рясах... Когда Матрена побывала в пятьдесят третьем у чудотворного, то сама слышала, как десятки исцеленных возносили хвалу всемогущей Параскеве. Правда, ей, Матрене, тогда не помогло омовение. Но ведь раз на раз не приходится.

Уже в сумерки подошла Матрена к селу. И тут какой-то неприятный холодок пронзил ее. В прежние-то годы у оврага словно бы ярмарка гудела. А теперь и человеческой тени не видать. Календарем бабка не ошиблась, пришла в то самое село... Так в чем же дело? Подошла к самому краю оврага. Где была часовенка, стоит длинный сарай. Прислушалась: за стеной куры, засыпая, квохчут, утки покрякивают.

Изумилась бабка и, покачав головой, пошла в село искать ночлег. Присмотрела хатенку похилее: в таких-то, считала, живут люди попроще. Постучала. Вышла седая старуха — ну точь-в-точь родная сестра Серафимушки! Обрадовалась Матрена: дескать, на свою напала. И, как милостыню, скорбящим голосом:

— Поддай, роденькая, напиток. Пришла-то я издали и так приустала, что и переночевать не знаю где...

Хозяйка хатенки оказалась на редкость доброй. И водой напоила и в дом пригласила. А собралась ужинать — и к столу позвала. Да как угощала! И пирогом, и маслом, и яйцами, и огурчиками-первачками прямо с огорода. А потом чаю с малиновым вареньем предложила. Разомлела бабка Матрена и стала осторожно выпытывать:

— Это что же, у вас, значит... чудотворный-то прикрыли?

— Прикрыли,—запросто кивнула головой хозяйка.

— Власть приказала... или как?

— В таких делах власть не приказывает.—Хозяйка впервые за весь вечер пылливо оглядела гостью.—По своей воле народ прикрыл. Потому что могут не стало... Надо подумать: что ни год, то у нас столпотворение. Тащат сюда эти богомольцы разную заразу со всего свету, посевы топчут, с огородов, плантаций воруют, людей от дел отвлекают. Терпели, терпели колхозники да и резанули этот самый гнойник. Земля-то наша? Наша, колхозная! Так зачем же нам допускать каждый год содому-гоморру? Вот и построили на этом самом месте птичник.

Матрена поджала губы, насторожилась. «Не в тот лагерь попала я»,—подумала она. И еще забродец сделала:

— А как прикрывали-то, ничего не случилось? Никто не ослеп? Никого громом не поразило?

— Все живы-здоровы остались!

— Чудно!.. Значит, Параскева-то за свой источник не заступилась?

— Да как же это она могла заступиться?—засмеялась хозяйка.—Что она, Параскева-то, милиция? Или председатель райисполкома? Все это поповские выдумки! Бабка Матрена, можно сказать, до основания пошатнулась.

— Значит, вы не верите? — хрипловатым голосом спросила она.

— А чему верить-то? — все больше веселела хозяйка.—Насмотрелась я, как все эти комедии вытворялись! И как славу об этом чудотворном пустили, тоже знаю. Еще при старом режиме это было. Решили, значит, попы в Кошибеево церковь построить. А как деньги собрать? Вот и придумали:

(Окончание см. на стр. 14.)

Первый шаг

ДИРЕКТОР ремонтно-строительной конторы Моздокского коммунального отдела тов. Хобиев решил в срочном порядке наладить связь с народом.

По ночам не спалось... Appetit пропал... Хобиев искал таких форм связи с вверенным его руководству коллективом, которые бы полностью отвечали современному уровню развития науки и техники.

И вот наконец искомая форма связи с народом была найдена.

— Собрать коллектив! Я буду говорить, — торжественно сказал тов. Хобиев.

Когда в зале наступила тишина, означавшая, что служащие конторы приготовились внимательно слушать, директор подал команду:

— Вос-про-изводите!

Одно нажатие кнопки — и закрутились магнитофонные диски. В зал полилась директорская речь, заблаговременно записанная на пленку. Директор сидел молча в президиуме, а в партере громыхал его голос.

Зал робко зааплодировал. Огромным усилием воли директор подавил желание аплодировать самому себе и ограничился легкими поклонами.

Итак, первый шаг сделан. Остается ожидать, что тов. Хобиев, как подлинный новатор, не остановится на полпути и повесит в кабинете свой портрет в золоченой рамке, а затем закажет себе при жизни памятник.

В. ПРАВДИН

г. Моздок.

КОЧКОВАТОЕ ШОССЕ

От Лопатина до Львова

Грузовик ныряет снова.

Едут деды, едут бабы,

Тетки, дядя-опекун.

Не дорога, а ухабы,

Не машина, а скакун!

Ни улыбки, ни беседы,

Разлетаются мечты.

Бьются тети, бабы, деды

О кабину и борты.

Бабка поет:

— Ох, не рада!..

Старичок, прощай-прости!

Тут начальника бы надо

Покатать и потрясти.

И махнула батожком:

— Жить хочу. Пойду пешком.

В. ГЛОТОВ

г. Львов.

У ЧУДОТВОРНОГО ИСТОЧНИКА

(Окончание. Начало см. на стр. 13.)

подбросили в овраг иконку этой самой Параскевы и раззвонили об этом чуде на всю округу. После этого истинное столпотворение у нас было. А попом на руку: часовню поставили, стали на церковь собирать. Вроде такая воля святой Параскевы. А народ-то кошибеевский дотошный, все потом стало известно: и кто иконку делал и кто подбрасывал ее.

— Неужто все так и было? — всплеснула руками бабка Матрена.

Хозяйка вдруг посуровела, как-то недружелюбно и подозрительно воззрилась на Матрену и уже совсем другим голосом спросила:

— А ты что, милая, не к чудотворному ли источнику обмываться пришла?

— Что вы... что вы! Совсем по другому делу я! — перепуганно открестилась Матрена. — Наш-то председатель прослышал, что в вашем колхозе птицеводство развито... А я-то птичница. Вот он меня и командировал. Ехай, говорит, Матрена, изучи их передовой опыт, какие у них там рационы и все другое. Вот я и приехала.

Хозяйка сразу смягчилась:

— О-о, наша птицеферма знаменита! Тогда тебе к Грибкову Валентину Федоровичу, к нашему председателю, надо.

— Ходила я к нему, да вот не застала.

— Наверно, в поле был. Переночуешь у

ШКОЛЬНЫЕ ПОДРУГИ.

А. Брей 58

меня, а завтра с утра экскурсируй, раз уж за этим приехала.

Долго не могла бабка Матрена сомкнуть глаз в эту ночь. Все думала: как быть? Сбежать на зорьке домой или все же разузнать, как здесь голова колхоза о птице заботится? А как проснулась, ноги сами понесли ее к председателю. Разыскала Грибкова и со всей серьезностью ему, что, мол, командирована за передовым опытом. Председатель повез Матрену на птицеферму. Осмотрели помещение, девушки-птичницы рассказали, как ухаживают, как кормят пернатых питомцев.

— Пока что мы это дело только разворачиваем, — скромничал председатель. — Взрослой-то птицы у нас около тысячи да около тридцати тысяч утино молодняка. Скоро еще получим тысяч двадцать утят из совхоза. А всего планируем к концу года вырастить около ста тысяч уток. Теперь и свой инкубатор приобрели. Так что в будущем году сами себя будем обеспечивать молодняком.

— Сто тысяч! — У бабки аж дух захватило. — А кормов-то хватит? Наш вон председатель твердит, что прожорливей птицы нет твари.

— Как вести дело, — заметил Грибков. — Может, конечно, и разорить колхоз, если скажем, на чистом хлебе ее содержать. А может и большой доход дать. Взять, к примеру, дикую утку. Тысячами летят они к нам, на Мещорские озера. Никто их не кормит, никого они не разоряют. А к осени и потомство дают и сами так разьедаются, лучше, чем в ином колхозе. У нас же вся долина в озерах! На этой самой неудобно и пасется наше утиное царство. Конечно, приходится и подкармливать их, но без этого. — Помолчав, Грибков мечтательно до-

бавил: — Как сдадим осенью несколько сот тонн диетического мяса, вот это и будет настоящее чудо!

— А ведь у нас-то, у нас-то, — занятая своим, горячилась Матрена, — тридцать озер! Не сто тысяч, а миллион уток можно выкормить! А мы на этих самых озерах кур водим! Для отчетности ферму держим! Ну, я ему, толстокожему, докажу, как надо птицу водить, как радеть о ней!

Бабка так разволновалась, так захотелось ей поправить дела на своей ферме, что забыла она и про святую Параскеву и про свою хворь. Словно и впрямь в святой воде окунулась.

Весь день пробыла она в колхозе. А вечером Грибков как почетную экскурсантку отправил бабку Матрену на своей машине в Сасово. Сидела бабка рядом с шофером, глядела на дорогу, на леса, но ничего этого как бы не примечала. Все заслонял собой грузный, самодовольный их Христофор. Но с нынешнего дня он уже не казался бабке таким неприступным. У чудотворного источника подобрала бабка Матрена ключи к своему нерадивому председателю. И теперь, готовясь к встрече, словно бы отливала пули-слова и складывала их про запас в тайники своей памяти.

Та птичница, которую мы бабкой Матреной назвали, просила ее подлинное имя-фамилию не разглашать. Неловко, говорит, будет мне за мои прежние религиозные предрассудки. Но что в Кошибееве колхозники совершили похвальное дело, — это точно. И хвалят их за это в нашей области и пример с них берут.

В. МАТУШКИН

г. Рязань.

Итак, крокодильские соревнования — конкурс на лучшую тему для рисунка — окончены. 12 тысяч читателей приняли в них активное участие. Жарко пришлось судейской коллегии: ведь нужно было просмотреть и оценить свыше 50 тысяч присланных тем! Теперь все это позади и можно объявить результаты.

Победители, пройдите на пьедестал почета!
Награды вручаются...

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

БЕЛЯЛОВУ Ш. (г. Чистополь, Татарской АССР), за тему карикатуры «Портрет дармоеда» (№ 6).

ВТОРЫЕ ПРЕМИИ

КИСЕЛЕВУ А. (г. Саратов), за тему карикатуры «Незаменимая фигура» (№ 14).

ТАКАЧ Геза (Венгрия), за тему карикатуры «Табак — яд» (№ 12).

ТРЕТЬИ ПРЕМИИ

БАЛАШОВОЙ А. (г. Пенза), за тему карикатуры «За год до свадьбы... год спустя» (№ 15).

СПОДАРИУ В. (г. Львов), за тему карикатуры «Затяжная история с историей» (№ 13).

ЦЕНТОМИРСКОМУ С. (г. Москва), за тему карикатуры «Сферы влияния бабушки и мамы» (№ 7).

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕМИИ

АНДРИАНОВУ Г. (г. Москва), за тему карикатуры «Работая на дороге... он подрабатывал на дорожках» (№ 6).

ВАСИЛЬЕВУ В. (г. Хабаровск), за тему карикатуры «Книготорг» (№ 8).

ВАХУ Г. и ЛАБОКУ М. (г. Ленинград), за тему карикатуры «Дикооброс» (№ 18).

ВОРОБЬЕВУ В. (г. Калинин), за тему карикатуры «— Вот теперь все в порядке!» (№ 10).

ГОРЕЛОВУ В. (г. Белгород), за тему карикатуры «Портрет жены» (№ 15).

ГУТМАНУ М. (г. Перово, Московской области), за тему карикатуры «Сколько ЗИМ?... Сколько лет?» (№ 8).

ЗЕМЛЯНСКОМУ П. (г. Лесозаводск, Приморского края), за тему карикатуры «Уволен по собственному желанию...» (№ 12).

КАБАКУ И. (ст. Уш-Тобе, Казахской ССР), за тему карикатуры «Последняя инстанция» (№ 17).

КАРАВАЕВЫМ В. и Г. (г. Москва), за тему карикатуры «— Покажите электрическую бритву» (№ 6).

КОЛЬЦОВУ В. (г. Москва), за тему карикатуры «Без слов о вежливости» (№ 18).

ЛУЗАНУ А. (г. Харьков), за тему карикатуры «Кривая роста мастера футболиста Зазнайкина» (№ 19).

СИМАКОВУ Н. (г. Москва), за тему карикатуры «Вам с чем котлету?» (№ 14).

ТЕНЕКЕДЖИЕВУ К. Н. (г. Бургас, Болгария), за тему карикатуры «Ты собиралась купить стиральную машину?...» (Будет опубликована в одном из ближайших номеров.)

ФАЙНГОЛДУ Лео (г. Сан-Диего, Калифорния, США), за тему карикатуры «Очень рад познакомиться с вами!» (Будет опубликована в одном из ближайших номеров.)

ШЕВЧУКУ Л. (г. Омск), за тему карикатуры «Не по Сеньке шапка» (№ 8).

Крокодил благодарит всех принявших участие в конкурсе.

БЕДНЫЕ МИШКИ

Куда только не забрасывает капризная судьба обитателей лесов — медведей! Томятся они и за решеткой в зоопарках, водят их на цепи для забавы, заставляют, как заправских спортсменов, колесить на велосипедах в цирке...

А тут еще одна беда свалилась. Резвились, резвились шишкинские мишки в сосновом лесу и вдруг угодили прямо в цепкие лапы Белорусского государственного издательства. Заключение там бедных зверей в золоченую, купеческого стиля раму и пустили по миру тиражом в двадцать тысяч экземпляров. Если теперь работники Белорусского издательства встретятся невзначай с медведями, пощады им от зверей наверху не будет.

А это «произведение» украшает городскую чайную в Тайшете, Иркутской области. Жизнь охотника в опасности. Вот-вот кинется на него рассвирепевший медведь. Не ведает, глупый, что неудачливый охотник, в сущности, ничем не провинился. Мстить нужно не ему, а анонимному мастеру кисти, без зазрения совести искажившему известную картину И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу», и тем людям, которые выставляют откровенную пошлость для всеобщего обозрения.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [заместитель главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

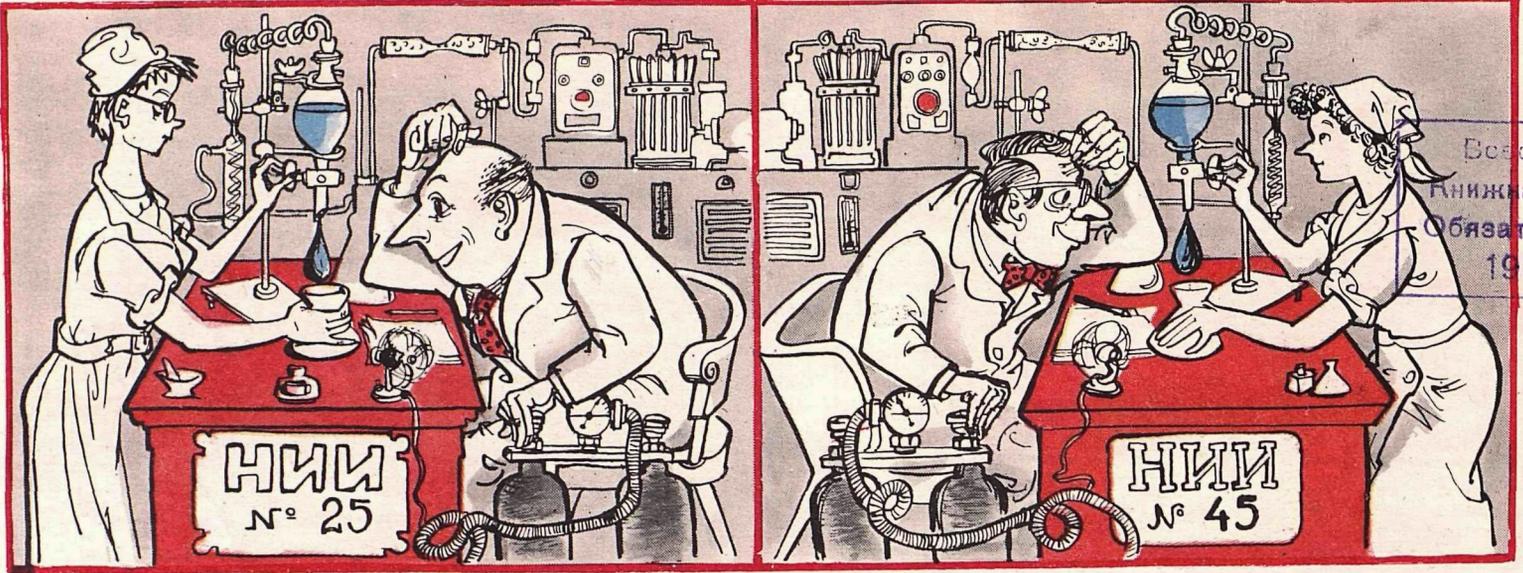
А 05600. Изд. № 1019. Подписано к печати 29/VI 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Заказ № 1553. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленине типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

9 ИЮЛ 1959

Рисунок Б. САВКОВА.

Зачастую одной и той же проблемой занимается большое количество научно-исследовательских институтов.

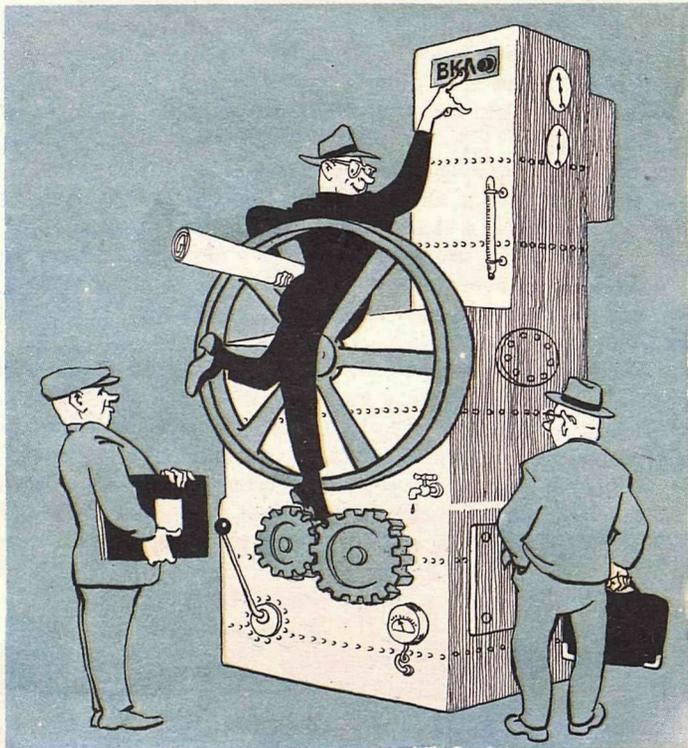

Восковая книжная палата
Обязат. экзempl.
1959 г.

...Как две капли воды.

Мало уделяется внимания вопросам охраны труда при создании нового оборудования.

Рисунок Е. ГУРОВА.

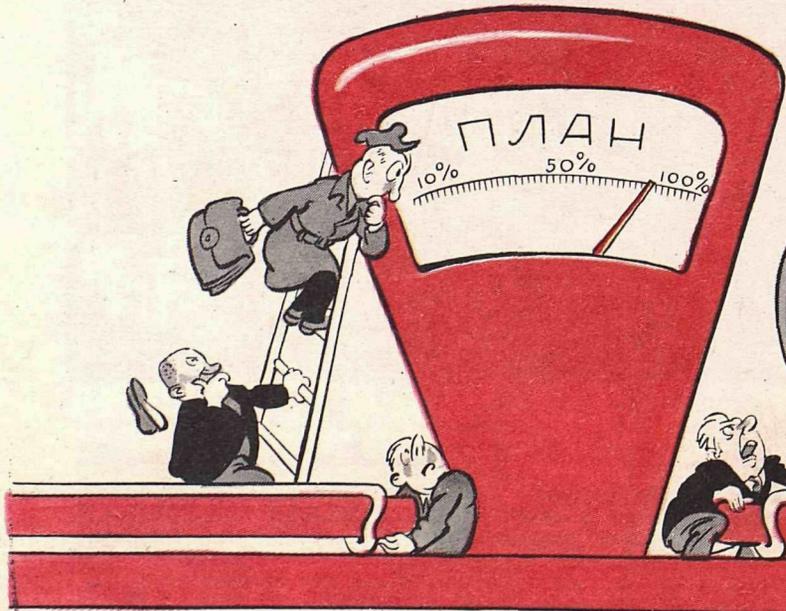
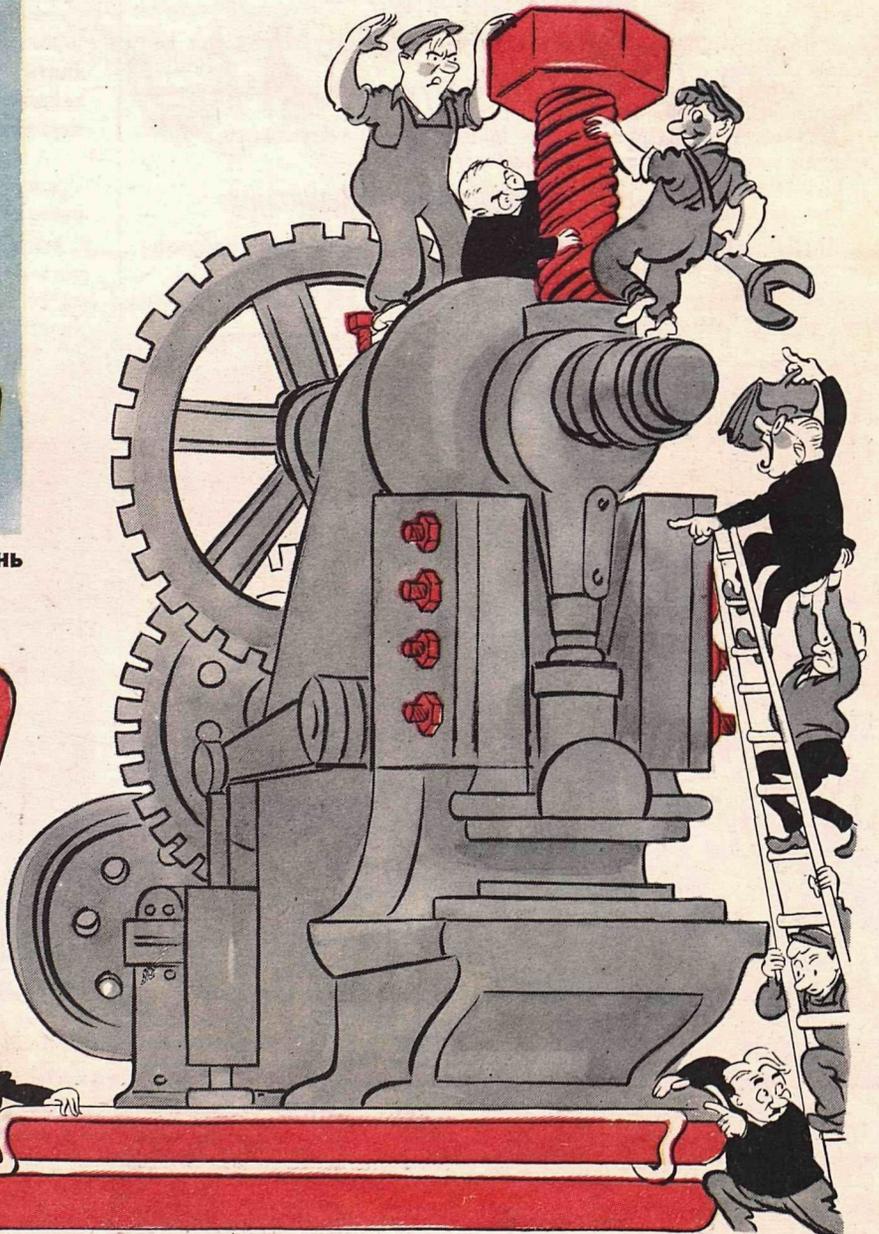

КОНСТРУКТОР: — Работать на этой машине очень просто: нужно только нажать кнопку!

Итада материалы Пленума ЦК КПСС...

Выпуск продукции тяжелого машиностроения до сих пор планируется в тоннах.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Довесок.